

Е.С.Отин

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Часть 1. Каяла¹

*Полечю, рече, зегзицю по Дүнаевн,
омочю вебрянъ рукавъ в Каялѣ рѣцѣ.
("Слово о полку Игореве")*

В одном из своих фундаментальных исследований "Слова о полку Игореве", говоря о невозможности идентификации гидронима *Каяла* с каким-то определенным географическим объектом Половецкой земли, академик Б.А.Рыбаков пишет: "Все варианты определения места битвы Игоря с Кончаком, которые базируются на созвучности названий рек в бассейне Северского Донца и Дона, *должны быть признаны непригодными*" (выделено автором). И далее: "Весь разноречивый определений места битвы Игоря происходил от искушения найти на современной географической карте р.Каялу. Но поиски, которые велись более столетия, так и не выявили ее ни на "Большом чертеже" XVI в., ни на картах XVII-XVIII вв., ни на картах нашего времени. Исключение составляет только статья В.М.Глухова, который отыскал железнодорожную станцию Каялу в 30 км южнее Ростова-на-Дону" (Рыбаков Б.А., 1971, с.222-223)². Как известно, гипотеза В.М.Глухова не нашла поддержки у историков и лингвистов (Кудряшов К.В., 1958, с.49; Попов А.И., 1969, с.182). Известный советский ономаст А.И.Попов вполне справедливо отметил отсутствие этимологической общности между *Каялою* "Слова о полку Игореве" и названием притока Егорлыка (в бассейне Маныча) – *Калалы* (*Калала*)³: если первая является типичной формой тюркского прилагательного со значением "скалистая", то другая – такое же прилагательное, но образованное от апеллятивной основы *кала* – "крепость". В этом же районе протекает иная речка с подобным названием – *Калаус*

(впадает в озеро Шара-Халсун, образованное Восточным Манычем) (Костенков К. и др., 1861, с.83), которое расчленяется на монголо-тюркский географический термин *ус* – "речка" и компонент *кала* в определительной функции (тюркский топонимический изафет). Как известно, авторы других гипотез место боя Игоревой рати с половцами связывают со средним течением Северского Донца (идентифицируя *Каялу* с его притоками – Каменкой, Айдаром, Быстрой и др.), или же переносят его в приморские районы Северного Приазовья, отождествляя *Каялу* с Кальмиусом (Н.О.Аристов; в наши дни этой точки зрения некоторое время придерживался и К.В.Кудряшов) (Аристов Н.О., 1877, с.20; Кудряшов К.В., 1958, с.58) или Мокрыми Ялами (А.В.Лонгинов, Б.А.Рыбаков) (Лонгинов А.В., 1892; Рыбаков Б.А., 1969)⁴. Сторонники отождествления *Каялы* с Мокрыми Ялами (левым притоком Волчьей, л.п.Самары, л.п.Днепра) указывали на созвучность названия *Ялы* с исходной частью гидронима *Каялы* (предположительно несклоняемой формой топонимического прилагательного), допуская, очевидно, что в процессе дальнейшего развития он утратил свой начальный состав. С "лингвистических позиций" попытался подойти к обоснованию этой тождественности поэт Олжас Сулейменов (Сулейменов Олжас, 1968). Он отказывает компоненту *ялы* в лексической самостоятельности, считая его осколком полного имени (*Каялы*), которое вначале выступало с препозитивным детерминативом *су* (*су Каялы*), но в дальнейшем пережило фонетическую

¹ Отин Е.С. Гідроніми Східної України. Київ - Донецьк, 1977. С.26-40.

² Речь идет о статье В.М.Глухова "К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь", опубликованную в XI т. "Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы" (Л., 1955). Название этой станции иногда выступало и в форме *Каял* (Список населенных мест Области войска Донского, 1905, с.496).

³ Оба варианта зафиксированы, например, в I части XVI т. "Военно-статистического обозрения Российской империи", который посвящен Ставропольской губернии (Военно-статистическое обозрение..., 1851, с.43).

⁴ Б.А.Рыбаков позднее изменил свою точку зрения, принял толкование Е.В.Барсова (подробно об этом см.: Рыбаков Б.А., 1971, с.224).

субституцию (замену глухого гортанного *к* на *х*) и народно-этимологическое сближение со славянским прилагательным *сухая*. Звуковая и словообразовательная эволюция, согласно О.Сулейменову, проходила в такой последовательности:

I этап существования гидронима (тюркский)	<i>су Каялы</i> →	<i>Сукаялы</i>
		↓
II этап (славянский)		
а) фонетическая субституция		<i>Сухаялы</i>
		↓
б) народно-этимологическое переосмысление		<i>Суша Ялы</i>
		↓
в) морфологическая перестройка имени		<i>Сухие Ялы</i> ⁵

Гипотеза О.Сулейменова уязвима во многих местах. В тюркской гидронимии географический термин *су*, как правило, употребляется после собственного имени: препозитивное же *су* утрачивает признаки термина, приобретая функции определения. Поэтому неправдоподобным представляется его постановка перед другим топонимическим прилагательным (*каялы*). Кроме того, у нас нет достаточных оснований считать, что топонимическое прилагательное *каялы* в тексте “Слова” было несклоняемым, как это вытекает из гипотезы О.Сулейменова и как считают некоторые другие исследователи (Pritsak O., 1964, с.61; Menges K., 1951, с.29)⁶.

В своей содержательной рецензии на изданный в Гааге словарь к “Слову о полку Игореве”

Т.Чижевской И.Г.Добродомов и И.С.Улукханов, на наш взгляд, убедительно показали “неправомерность отнесения гидронима *Каяла* к несклоняемым словам” (Вопросы языкознания, 1966, с.120). Всякие попытки связать *Каялу* с гидронимом *Ялы* бесплодны как с исторической, так и с лингвистической точки зрения. Первые фиксации гидронима *Ялы* находим на карте Украины, которая охватывает территорию военных действий 1736-1739 гг. (составитель неизвестен), где речка с таким названием изображена как правое ответвление р.Берды (*Berda R*, ее левое ответвление в верховьях – *Kalmic R*, то есть р.Кальмиус) (Кордт В., 1931, карта № 23), и на “Генеральной карте от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова” 1743 г. (Генеральная карта...). В тюркских языках омонимичный апеллятив, выступая в значениях “берег”, “побережье”, “набережная”, имеет ограниченное распространение. В.В.Радлов указывает лишь на крымское и османское “наречия”, то есть на языки крымских татар и турок, Л.З.Будагов – только на турецкий язык (Радлов В.В., 1905, с.165; Будагов Л.З., 1871, с.341). Эта лексема присутствует и в греческом языке (*γαλός* – “берег”, “побережье”).

Крымские татары, ногайцы, а потом и крымские (“мариупольские”) греки, которые поселились в кон. XVIII в. в необжитых степях Северного Приазовья, этим словом вначале называли урочище – широкую, богатую луговой растительностью пойму л.п.Волчьей или “высокие глинистые берега” (Материалы к оценке..., 1904, с.14) левой стороны Мокрых Ялов, а потом уже, благодаря топонимической метонимии, это имя получила

⁵ Что касается народно-этимологического переосмысления других монголо-тюркских детерминативов *-гол* и *узен*, которое допускает автор, то тут он чрезмерно преувеличивает результаты этого процесса, утверждая, что от этих терминов происходят многочисленные гидронимы в бассейнах Днепра и Дона типа *Узенькая, Голая, Голенькая* и т.д. О гетерогенной природе исходной морфемы *гол* (от лит. *-gala, -galas*, что обозначает “край, конец”, и от лексемы мордовского происхождения; добавим также и тюркско-монгольский термин) уже писалось в топонимической литературе (Zajczkowski A., 1949, с.172). О.Сулейменов усматривает географический термин *гол* в составе словоформы *тарголовое* (конъектура О.Сулейменова: *Торголовое*) из летописной фразы о битве 1185 г. “Игоря же бяхуть яли *тарголове*, мужь именем Чилбук”. Как считает А.Зайончковский, “это, очевидно, собирательное название, которое обозначает половецкий род, образовано славянами с помощью форманта *-ове* от слова *targyl* – “пегий конь” (Труды Отдела древнерусской литературы ..., 1958, с.46). Польский исследователь приводит целый ряд примеров того, как названия коней становились древнетюркскими родо-племенными названиями (этнонимами) – от масти коней (“орда, которая имеет коней той или иной масти”) (там же, с.33 и сл.).

⁶ Как несклоняемую форму приводит данный гидроним Р.О.Яacobсон в своем переводе “Слова” на современный русский язык (Яacobсон Р.О., 1958, с.116-121). В некоторых поэтических переводах “Слова” встречаются и ничем не оправданные формы женского рода – *Каяль* и мужского – *Каял*, например: “И в Каяль-реке бобровый Я рукав мой омочу” (И.И.Козлов. Плач Ярославны, 1825 г.); “Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке *Каял*” (В.Брюсов. Певцу Слова, 1912 г.); “... Омочу я свой рукав бобровый Во *Каял-реке* той половецкой” (стихотворный перевод “Слова” О.Скрипова, изданный в Ростове-на-Дону в 1970 г.); “На *Каял-реке* тьма свет покрыла” (там же) и пр.

и сама река⁷. В некоторых селах Донецкой области, например, в Степном (Новоселовка № 1) и Зажиточном (Чермалык), колхозные земли (“поля”) и огороды на берегу Кальмиуса до недавнего времени назывались *ялус*. Это свидетельствует о том, что деэтимологизация гидронима в речи “мариупольских греков” (по языковому признаку они делятся на тюркофонов и эллинофонов) – явление сравнительно недавнего времени⁸. Наш гидроним не одинокий в топонимии юга. Выше Мокрых Ялов (с их левым притоком – Ялами Сухими) в *р. Волчью* впадают еще одни Сухие Ялы (на ряде рукописных карт XVIII в. эти два притока Волчьей именовались соответственно *Нижними* и *Верхними Ялами*). Сравните еще название балки *Яла* в бассейне Кривого Торца (Маштаков П.Л., 1934, с.54). Один из левых притоков Сухой Волновахи (п.п. Кальмиуса) еще в прошлом веке назывался *Сара Яла* (Материалы к оценке..., 1904, с.22). В крымской топонимии: *Ялы Богазы* (небольшая теснина на пути из с.Отуз к морю) (Кеппен П., 1837, с.104), урочище *Ялы Тузла* (Дубровин Н., 1887, с.93), *Микрояло* – “малый берег” и *Мегаляло* – “большой берег” – греческие названия местности с крутым склоном к морю около Балаклавы (*яло* < γιάλος или το γιάλο) (Белецкий А.А., 1969, с.211). Сравните также балканский гидроним *Яла* – название правого притока речки Босни (Головацкий Я., 1884, с.368). И.Заимов отмечает частое употребление географического термина *ялыта* в бассейнах Вита и Янтры (Заимов И., 1959, с.292).

Все эти факты свидетельствуют о первичности гидронима *Ялы*, который возник самостоятельно, а не в результате мнимой деформации тюркского топонимического прилагательного *Каялы*. Таким образом, гипотеза А.В.Лонгинова (К.В.Кудряшова – Б.А.Рыбакова)⁹ – О.Сулейменова неудовлетворительна и в топонимическом отношении.

“Внутренняя форма” гидронима *Каяла* достаточно ординарна в тюркской (и не только тюрк-

ской) гидронимии. В XII в. “скалистых” или “каменистых” рек в Половецкой земле, очевидно, было много. Но только одна из них осталась в памяти русичей, пять раз отразившись в поэтическом тексте “Слова” и один раз – в летописном рассказе о походе Игоря (в текст “Задонщины”, как известно, этот гидроним проник из “Слова”). Нигилистическое отношение к реальности *Каялы*¹⁰ было вызвано тем, что она действительно не была выявлена среди названий притоков Северского Донца, которые дошли до нас. Но *Каяла* названа в “Слове” “рекой половецкой” – свидетельство того, что она была значительной по размерам и поэтому хорошо известной (маленькая речка вряд ли получила бы такое определение, сравните хронологически отдаленную параллель: “Волга, русская река”). Была ли на территории Северного Приазовья, заселенной в XII в. разными половецкими объединениями Черной Кумани, такая река? Есть некоторые основания допустить, что была, но находилась она не там, где происходило противоборство русских с половцами, описанное в “Слове” и в Ипатьевской летописи.

Некоторые рукописные карты 2-й пол.XVIII в., а также отдельные издания XVIII-XIX вв. свидетельствуют, что в гидронимии приморских районов нынешней Запорожской области, до 60 гг. XIX в. заселенных ногайцами, было несколько составных названий с топонимическим прилагательным *каялы*. Часть из них позднее подверглась универбации – стяжению в одно слово, иные в наше время уже забыты¹¹. Два из них – в бассейне р.Молочной (летописной Сутины): балка *Каялы Кулак* (*Куялы Кулак*, *Каикулак* и др.) и речка *Каялы Джулюшан* (*Каялышан*, *Каялыша* и др. с левым притоком-балкой *Каялыкула* (к). На восток от озера Молочного в Азовское море впадает р.Лозоватка, которая в XVIII в. во многих географических источниках именуется также *Бердянской* (*Бердинкой*) или *Нижней Бердой*, а в списке населенных мест Таврической губернии, изданном в 60 гг. XIX в., названа еще *Бердыкай Али* (ис-

⁷ Сравните аналогичного происхождения гидроним *Берег* – название верховьев Оки, куда в XVI в. высылались отряды для наблюдения за крымскими татарами (Памятники дипломатических и торговых..., 1890, с.17).

⁸ Сейчас, как показывают материалы топонимических экспедиций Донецкого университета в села крымских (“мариупольских”) греков, гидроним *Ялы* стойко связывается в языковом сознании с апеллятивом *яли* – “зеркало”.

⁹ В скобках приводятся фамилии исследователей, которые определенное время придерживались этой гипотезы, но впоследствии изменили свое отношение к ней.

¹⁰ Ср. замечание В.П.Андриановой-Перетц: “Был сделан ряд попыток пояснить название реки “Каяла” из подобных географических имен, но в новейших работах дается перевес гипотезе М.Грамматина, который еще в 1823 г. предложил объяснить “Каялу” как производное от глагола “каяти” (Андрианова-Перетц В.П., 1968, с.91).

¹¹ Варианты этого и других гидронимов с прилагательным *каялы* и указания на источники см. в нашем “Каталоге рек Северного Приазовья” (Отин Е.С., 1974; 1975).

каменная запись составного гидронима *Берды Каялы* (Списки населенных мест..., 1865, с.24).

Наконец, еще далее на восток в Азовское море впадает Берда, по которой в XVIII в. проходила граница между Россией и страной Восточный Ногай – материковыми владениями крымского хана. В ее названии отразилась та же реалья – каменность берегов реки.

В гибридном славянско-тюркском гидрониме *Каялы Берд* мы имеем дело с типичной этимологической фигурой, которая возникла благодаря заимствованию тюрками старого славянского названия и повторного отражения в дотопонимическом значении тюркского определения *каялы* тех же особенностей географического объекта. Жаль, что Тунманн не называет источника, откуда он взял название одной из важнейших рек страны Восточный Ногай. В предисловии к русскому переводу книги Тунманна *Der Krimische Staat* справедливо отмечается: “Работа Тунманна является квинтэссенцией всего известного и доступного западноевропейской науке того времени о Крымском ханстве, и в этом ее значение для нас, тем более, что автор пользуется не только имеющейся тогда печатной литературой, но и не опубликованными источниками”. И далее: “Он очень точно (сравнительно, конечно) передает огромное количество татарских и ногайских географических названий, которые приводились в предшествующей литературе искаженно”, “он упоминает много рек (особенно на материке), до того в литературе неизвестных, частично теперь исчезнувших”. Кроме того, высказывается допущение, что Тунманн собирал также “разные устные сведения” о Крымском ханстве, “более богатые, нежели литературные” (Тунманн, 1936, с.7, 11).

На составленной нами карте (рис.1) названий рек с семемами “камень”, “скала” в топонимии Юго-Восточной Украины ареал гидронимов с топонимическим прилагательным *каялы* очерчен пунктирной линией. Это район, где в XI-XII вв. кочевала сутенская группа половцев, которая подверглась в 1103 г. сокрушительному разгрому русскими дружинами. “Степи южнее орды Бурчевичей (от р.Конки до моря)”, как отмечает в своем исследовании половецких каменных изваяний С.А.Плетнева, были территорией “достаточно насыщенной статуями, а значит, и зимовищами. Район Западного Приазовья до самого Перекопа более всего можно

отождествить с Лукоморьем, которое не один раз упоминалось русскими летописцами”, хотя “летопись ни разу не указывает географических ориентиров Лукоморья”. Лукоморская половецкая орда находилась “в сравнительной близости” от Руси (Плетнева С.А., 1974, с.21)¹², и русичи, осуществляя в последней четв. XII в. успешные походы в глубь степи, безусловно были знакомы с некоторыми топонимами этого района Половецкой земли и в первую очередь, конечно, с названиями рек, которые играли важную роль в жизни кочевников. Значительными водными артериями половецкого Лукоморья были реки *Сутин* или *Сутень* (современная р.Молочная)¹³ и *р.Берда* (гипотетическая *Каяла*, или одна из *Каял*, точнее – самая большая из *Каял*). В определенной мере это подтверждается и тем, что в тексте “Слова о полку Игореве” *Каяла* территориально связывается с “синим морем”, что рефреном проходит через все поэтическое повествование. Сравните: “О! далече зайде соколъ птнць бя – къ морю. А Игоревъ храброго плъкъ не крѣсити”. “Къ синемѹ морю” несутся “вѹсови врани” в “мѹтном снѹ” Святослава. “Море” и “Каяла-рѣка” связаны в плаче Ярославны (ср.: “омочѹ веврянѹ рѹкавѹ въ Каялѹ рѣцѹ” и “Възлеаѹи, господине, мою ладу къ мнѣ, а выхѹ не слаа къ немѹ слезѹ на море рано”).

“Море” “Слова о полку Игореве”, небезосновательно подытоживает Б.А.Рыбаков, это никак не маленькое озерцо, соленое степное “морце”, как пишет К.В.Кудряшов. Море здесь звучит торжественно и величественно – как определение “конца Поля Половецкого” (Рыбаков Б.А., 1971, с.237).

Почему же известное автору “Слова о полку Игореве” кыпчакское название реки Берды в дальнейшем не упоминается ни в одном из памятников и снова фиксируется только накануне присоединения Крыма к России в труде Тунманна и некоторых материалах сер.XIX в. (в списке населенных пунктов Таврической губернии)? Это, очевидно, произошло в результате присоединения приазовских земель к половецким владениям и значительного ослабления русского присутствия на данной территории. Русские забыли этот гидроним (хотя речка и связанное с ней урочище остались известны им благодаря более позднему славянскому топонимическому эквиваленту *Берда*), который продолжал свое существование в других тюркских языках Се-

¹² Как известно, во время одного из таких удачных походов в 1183 г. был пленен (исторгнутый “из луку моря”) и убит лукоморский хан “поганый Кобяк”.

¹³ По нашим данным, славянская топонимическая калька *Молочные Воды* в памятниках появляется лишь с кон. XV в. (Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.11, 1975, с.21). В “Книге путешествия” Э.Челеби (XVII в.) эта речка еще носит тюркское название *Сют*, у Тунманна – *Сутсу*, в жалобе крымских татар на запорожцев 1748 г. – *Сутьбой* (там же).

верного Приазовья в последующие столетия, куда он проникает из половецкого языка. В монгольскую эпоху “кыпчаки (половцы) были главным населением степи” (Дешт-и-Кыпчак) (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.67) и преемственность географических названий в тюркской среде тут, вероятно, еще долгое время не нарушалась. Поэтому семантически прозрачное для крымских татар и ногайцев топонимическое прилагательное *каялы*, которое в более позднее время слилось – в функции дифференцирующего определения – со славянским названием *Берд(а)*, могло быть продолжением соответствующего топонимического прилагательного половецкой эпохи. Можем ли мы на этом основании утверждать, что речка *Каяла* в “Слове о полку Игореве” и приазовская *Каялы Берд* тождественны между собой? Сделать такой вывод мешает не только “география похода Игоря” (Б.А.Рыбаков), но и, как увидим, особенность стилистического функционирования этого географического названия в художественном тексте памятника.

Из всех существующих историко-географических схем похода Игоревского войска наиболее обоснованным (за исключением некоторых деталей чисто топонимического характера) нам представляется вариант Б.А.Рыбакова. Осуществив скрупулезное сопоставление текстов “Слова” и киевской хроники 1185 г. в составе Ипатьевской летописи, Б.А.Рыбаков четко размежевывает “поэтическую *Каялу*” и “реальный *Сюурлий*” (Рыбаков Б.А., 1971, с.236)¹⁴. До него многие исследователи маршрута Игоревского похода относили эти названия к разным географическим объектам. Так, А.В.Лонгинов считал, что *Сюурлий* – это р.Орлова в бассейне Волчьей, л.п.Самары днепровской, а *Каяла* – современные *Ялы*. По мнению Н.В.Сибилева, *Сюурлий* – это р.Голая Долина, л.п.Сухого Торца, а *Каяла* – какая-то иная река этого района (Сибильов М.В., 1950, с.107-108). Согласно К.В.Кудряшову, *Сюурлий* – это место впадения Голой Долины в Сухой Торец, а *Каяла* – р.Каменка, п.п.Северского Донца (Кудряшов К.В., 1958, с.58-59) и т.д.

¹⁴ Сравните еще: “Внимательный к географическим деталям летописец Рюрика точно обозначает место битвы – на берегу речки *Сюурлий*; он трижды называет эту реку, не говоря ни одного слова о *Каяле*. Река *Каяла*, река плача и печали, появляется только в позднем дополнении автора Повести, которое было написано тогда, когда “Слово о полку Игореве” уже существовало” (Рыбаков Б.А., 1969, с.63).

¹⁵ Другая лексико-семантическая параллель: казахский апеллятив *эркеш* – “горб (верблюда)” и казахский географический термин *эркеш* – “вершина горы”. Семантический переход “горб (верблюда)” > “горный хребет, горб, бугор, возвышенность” отмечается и в других тюркских языках (Мусаев К.М., 1975, с.122-124).

¹⁶ “Сопоставляя данные Татищева с Ипатьевской летописью, – пишет Б.А.Рыбаков, – мы видим, что в распоряжении Татищева был такой вариант киевского свода, в котором было значительно больше выдержек из черниговско-северского летописца” (Рыбаков Б.А., 1971, с.31).

В летописном рассказе о походе Игоря указаны реальные географические ориентиры движения русских дружин и столкновения их с половцами – Оскол, Донец, Сальница, Тор и др. Одним из таких реально существовавших географических объектов, несомненно, была речка *Сюурлий*, о которой трижды говорится в Киевской летописи и пять раз – в “зашифрованном” виде (под именем *Каялы*) – в “Слове о полку Игореве”. Этимология гидронима *Сюурлий* уже давно привлекала внимание исследователей. П.Е.Ваденюк, усматривая в начальном составе названия *Сюурлий* связь с тюркским словом *су* – “вода”, толковал гидроним как “половецкий перевод Тора” (связывая последний, в свою очередь, со славянским корнем *-тор-* в словах *торный* и *проторить*, “который выражает понятие движения”) (Ваденюк П.Е., 1878, с.57). К.В.Кудряшов усматривал в гидрониме отображение тюркского апеллятива *суярлы* “разветвление рек”, “разлив воды” (Кудряшов К.В., 1958, с.58). Б.А.Рыбаков этимологизирует *Сюурлий* как “комариная река”, “река комаров”, отождествляя ее с современной р.Гнилушей, л.п.Самары в ее верховьях (Рыбаков Б.А., 1971, с.244).

При этимологизировании гидронима *Сюурлий* не следует упускать еще одну возможность – вполне возможную связь его с тюркским географическим термином *саур* (*сауыр*), который обозначает бугры со сглаженными вершинами округлой формы (его первоначальное значение – “круп коня”) (Конкашпаев Г.К., 1963, с.32)¹⁵, тем более что битва на р.Сюурлий (или на “поэтической *Каяле*”) проходила недалеко от “шеломени” (как допускает Б.А.Рыбаков, водораздела Днепра и Дона) (Рыбаков Б.А., 1971, с.245, карта). В связи с этим особое значение приобретает сообщение В.Н.Татищева (на которое в свое время обратил внимание и К.В.Кудряшов) (Кудряшов К.В., 1958, с.58)¹⁶, что от реки *Сюурлий* половцы отступили за какую-то “гору”. Учитывая это, гидроним *Сюурлий* может быть истолкован и как топонимическое прилагательное (с суффиксом *-лы*) от географического термина *саур*

(*Сюрлий* < *Саурли*?). В топонимии Северного Приазовья и сейчас сохраняется несколько названий высот (могил) с этим термином, который превратился в речи славянского населения в семантически неясное собственное имя¹⁷. Наиболее известная – *Саур-Могила* находится в верховье р.Камышевахи, л.п.Севастьяновки, л.п.Крынки, л.п.Миуса; другая (*Савур-Могила*) – в Токмакском районе Запорожской области, восточнее села Новопротокофьевки (см. карту).

В тексте “Слова о полку Игореве” *Каяла* как название речки, где происходила битва русских с половцами, встречается пять раз. Что касается шестого упоминания *Каялы* – как места гибели Изяслава Ярославича, то тут, очевидно, прав А.И.Попов, который квалифицировал его как “результат неточного прочтения” иного собственного имени и предложил конъектуру: “*Съ тая же Каныны...*” (Попов А.И., 1967, с.216-218)¹⁸. Неудачные попытки найти “реальную” *Каялу* породили в последнее время нигилистическое отношение к признанию самой возможности существования такой реки. В новейших работах отмечается возвращение к старым взглядам на *Каялу* как на реку тоски и печали, как на “жаль-речку” (Барсов Е.В., 1889, с.356); вслед за Е.В.Барсовым определяется “символическое”, а не географическое значение этого имени. Эта точка зрения последовательно проводится в монографии Б.А.Рыбакова “Слово о полку Игореве и его современники”. Л.А.Дмитриев, как и П.Е.Ваденюк (который тоже считал, что *Каяла* “никогда не существовала как название географическое”) (Ваденюк П.Е., 1878, с.57)¹⁹, связывал гидроним с глаголом *каяти* (Дмитриев Л.А., 1953, с.36). Эта мысль была подвергнута критике со стороны топонимиста А.И.Попова, который убедительно доказал, что нет никакого основания выводить чисто куманское название половецкой реки *Каялы* (“скалистая”) из древнерусского *каяти* (Попов А.И., 1969, с.182). Признавая правильной “барсовскую” формулу: “Каяла-река – Жаль-река”, Б.А.Рыбаков, в отличие от других сторонников этой гипотезы, связывает *Каялу* с кыпчак-

ским словом *qajaly* – “печаль” (со ссылкой на Н.А.Баскакова) и видит тут “игру слов”, которая возникла при сближении половецкого *qajaly* с древнерусским *каяти* (Рыбаков Б.А., 1971, с.224). С этим трудно согласиться. Это был бы единственный тюркизм “Слова” с абстрактным значением и, возможно, единственный древнерусский топоним, который возник благодаря каламбуру. Пародийное использование этих созвучных слов предусматривает адекватность их восприятия, иначе не было бы никакого смысла в этой фигуре, она бы оставалась непонятной другим.

Весьма сомнительно, чтобы кыпчакское слово с абстрактным значением “печаль” было широко известно населению Киевской Руси (за исключением, конечно, переводчиков, но не для них же создавалось “Слово”). С топонимической точки зрения наиболее вероятным представляется отнесение *Каялы* к кыпчакскому прилагательному *qajaly* (мнение К.Менгеса, А.И.Попова и других исследователей) (Menges К.Н., 1951, с.28-29; Попов А.И., 1969, с.182). Даже бросив беглый взгляд на карту гидронимов с семемами “скала” и “камень” в топонимии Юго-Восточной Украины, мы видим, что на этой территории данный естественный признак отразился в названиях многих рек, источников и балок. Очевидно, *Каял* в Половецкой земле было немало, как много Каменок, Скелеваток, Ташлыков и т.д. в современной топонимии Украины. Но только одну из них упоминает автор, употребляя ее имя обобщенно – как название половецкой реки вообще. Вполне вероятно, что такой реальной *Каялой* (то есть *Каялой*, которая имела географическое значение) могла быть река, которая спустя шесть столетий “объявилась” с гибридным тюркско-славянским именем *Каялы Берд(а)*. Гидроним *Каяла* (< *Каялы*) сначала соотносился русскими с конкретным географическим объектом в районе кочевий лукоморских половцев, потом эта связь могла ослабеть и совсем оборваться, и *Каяла* превратилась в обобщенное название всякой половецкой реки (как в народной поэзии славян гидроним *Дунай* стал обобщенным назва-

¹⁷ Эта лексема обнаруживается и в первой части названия крымского села (около Бахчисарая) – *Сюрташ* (у Тунманна – *Сорташ*) (Тунманн, 1936, с.36, 87), которая по структуре является именным детерминативным словосочетанием, в котором “определяемое и определение выражено существительным” (Баскаков Н.А., 1975, с.140). А.И.Попов предложил иную этимологию гидронима *Сюрлий* – от *Сяри-ли* – “скалистая” (Попов А.И., 1971, с.34).

¹⁸ Поправка А.И.Попова была поддержана В.П.Андриановой-Перетц (Андрианова-Перетц В.П., 1968, с.103), но “не успела” попасть во 2 выпуск “Словаря-справочника” “Слова о полку Игореве”, составленного В.Л.Виноградовой (Л., 1967).

¹⁹ Предполагаемую связь с глаголом *каяти* автор подчеркивает и постановкой ударения на первом слове гидронима (*Каяла*).

нием всякой реки, в том числе и Дона)²⁰. Это допущение подтверждается и самим текстом “Слова”: “погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя”. Значение “половецкая река вообще” присутствует и в определенном месте в плаче Ярославны: “Полечу, рече, зегзицею по Дүнаеви, омочю веврянь рүкавь въ Каялѣ рѣцѣ”. Оба представленных тут гидронима имеют значение “река вообще” (соответственно русская и половецкая). Мы имеем дело с реализованным с помощью топонимов явлением, которое Д.С.Лихачев квалифицирует как “стилистическую симметрию”. “В стилистической симметрии, – пишет он, – важно не то, в чем члены симметрии расходятся между собой, а то, что в них есть общее... Неточность симметрии составляет саму ее суть, позволяя в обоих случаях симметрии принимать только узкую совпадающую часть, отбрасывая “индивидуальные” особенности каждого члена” (Лихачев Д.С., 1967, с.173).

Учитывая все вышесказанное, мы не можем согласиться с точкой зрения Б.А.Рыбакова, что “находясь на берегу Сейма, притока Десны, который впадает в Днепр, Ярославна могла обращаться к Днепру с такой просьбой только в том случае, если река Каяла находилась в бассейне Днепра” (выделено нами – Е.О.) (Рыбаков Б.А., 1971, с.222). “Слово о полку Игореве” – художественное произведение. Использование его данных в историко-географических концепциях похода Игоря должно быть очень осторожным. Вряд ли Ярославна имела настолько точные географические знания, что представляла Каялу притоком Днепра (точнее – как один из незначительных притоков его левого притока – Самары). Такая гипертрофированная научная точность в поэтическом тексте “Слова” маловероятна. Исследователи “Слова” неоднократно отмечали его “разнообразную и многоплановую символику” (Якобсон Р.О., 1958, с.111), использование для создания “символического образа точной системы реалий” (Лотман Ю.М., 1958, с.40) и т.д.

Тропеическими сдвигами характеризуется и использование в тексте “Слова” собственных имен вообще и географических названий в частности. Автор “Слова”, пишет Г.Ф.Корзухина, “вплетает в текст имена языческих богов, он вспоминает готских дев и Бусово время, у него какие-то реминисценции, связанные с Дунаем, и

очень интересная серия упоминаний о Трояне. Поразил его воображение и Тмутараканский болван, независимо от того, сам ли он его видел, или только слышал о нем” (Корзухина Г.Ф., 1974, с.29). Перед нами то, что академик Д.С.Лихачев в докладе на Всесоюзной научной конференции, посвященной 175-летию первого издания “Слова о полку Игореве” (которая состоялась в сентябре 1975 г. в Чернигове), назвал “масштабным восприятием мира”, “стилем монументального историзма”, который пронизывает всю литературу Древней Руси. Этот стиль “характеризуется прежде всего стремлением рассмотреть объект изображения с больших дистанций – дистанций разнообразнейших: пространственных, временных, иерархических. Поэтическое, в эстетическом отношении ценное и важное только то, что может быть изображено великим и могучим в перспективе огромных расстояний” (Лихачев Д.С., 1975, с.6). *Море, Дон Великий и Каяла* – вот те наиболее отдаленные географические объекты земли Половецкой, которыми в “Слове” обозначены крайние рубежи похода Игоревой рати:

“Чръныя тучи съ моря ндуть... Быти грому великому, ндти дождю стрѣлами съ Дону Великому! Тү ся копнемъ приламати, тү ся сабяямъ потрүчяти о шелома половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ, ү Дону Великаго!”

Как в плаче Ярославны Каяла условно-поэтически сближается с Дунаем, так и в приведенном отрывке она называется рядом с Доном Великим, но это, понятно, еще не доказательство того, что Каяла была как-то географически связана с этой рекой. Ошибка некоторых исследователей заключается в том, что они игнорировали специфику стилистического строя “Слова”, буквально толкуя выражение “на рѣцѣ на Каялѣ, ү Дону Великаго”. Это условно выбранные ориентиры земли Половецкой, названия которых стали своеобразными поэтическими метафорами. Знаменательно, что в другом месте плача Ярославны в роли поэтического эквивалента Каялы выступает “море”: “Възлеелѣй, господине, мою ладү къ мнѣ, а выхъ не слала къ немү слезъ на море рано”. Сравните также: “въсплескала левединными крылы на синѣмъ море ү Дону”.

В основе “поэтической Каялы”, вероятно, лежит реальная река с таким же именем, одна из

²⁰ Сравните в “Задонщине”; “Не түри возгремѣли ү Дүнаю великаго на полѣ Күликове”; “... лѣжали трүпи крестьянские аки сѣнныи стоги ү Дүнаю великаго на брѣзе” (в списке Ундольского; в других списках – *Дона*). Такое переносное, условно-поэтическое употребление собственного имени *Дунай* следует отличать от перехода его в омонимичный апеллятив, что фиксируется разными славянскими языками (см. об этом: Moszyński K., 1939, с.1563-1564; Rozwadowski J., 1948, с.295-297; Zierhoffer K., 1957, с.162-163).

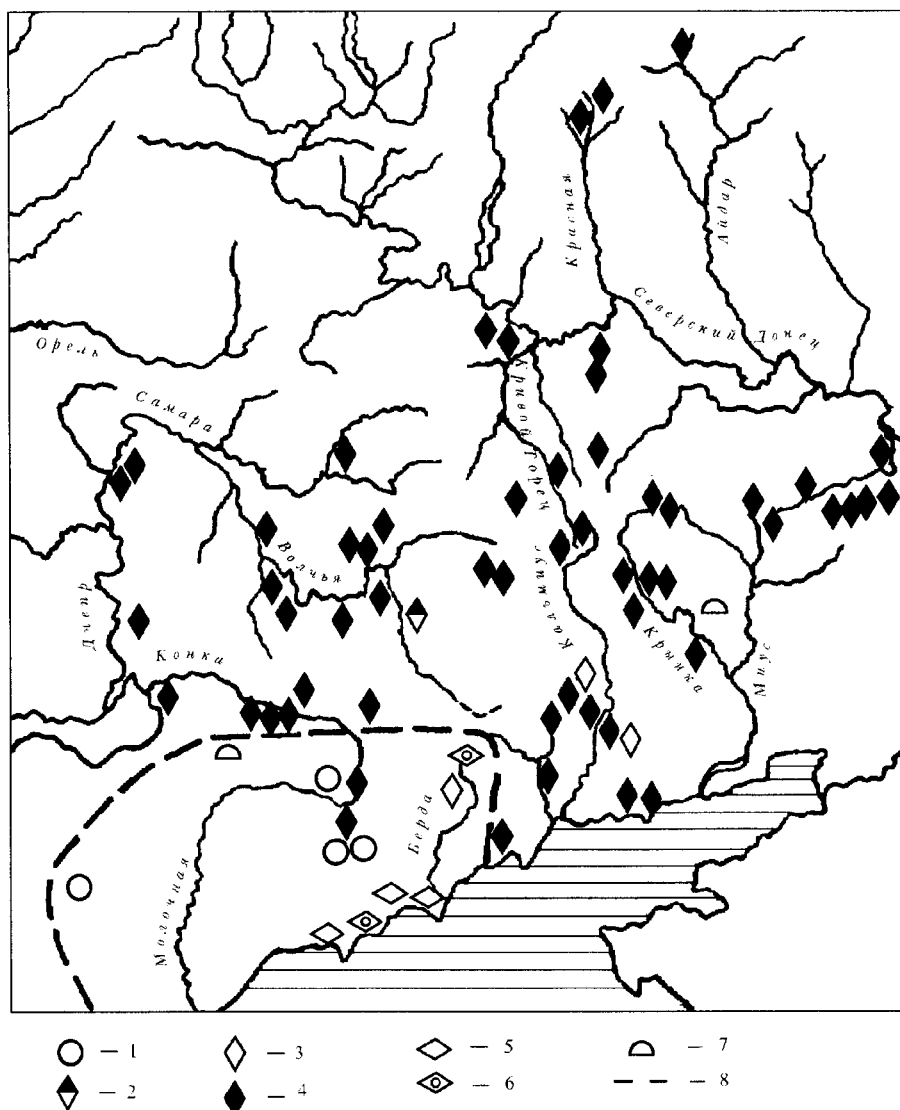

Рис. 1. Гидронимы с семемами “скала”, “камень” в топонимии Юго-Восточной Украины. 1 – тюркские гидронимы с лексемой *qajaly*: 1) Каялга (Калга); 2) Каялы Кулак; 3) Каялышан (Каялы Джзуюшан, Каялыша); 4) Каялыкула (к); 5) Берды Каялы (Бердыкай Али); 6) Каялы Берт; 2 – крымскогреческий гидроним с лексемой *хая*; 3 – тюркские гидронимы с лексемой *таш*; 4 – славянские (укр., рос.) гидронимы с лексемами *кам’ян-* (камен-), *скель-* (skal-), *кремен-*; 5 – славянские гидронимы с лексемой *бердо*; 6 – объединенные в одном названии славянская тополексема *Берда* с тюркским детерминативом (Каялы, Оталы, Гелач); 7 – оронимы *Саур* (Савур) – могила; 8 – ареал гидронимов с топонимическим прилагательным *qajaly*.

Fig. 1. Hydronyms with the sememes “rock”, “stone” in the toponymy of the south-eastern Ukraine. 1 – Turkish hydronyms with the lexeme *qajaly*: 1) *Kayalga* (*Kalga*); 2) *Kayaly Kulak*; 3) *Kayalishan* (*Kayaly Dzhuyushan*, *Kayalisha*); 4) *Kayalykula* (*k*); 5) *Berdy Kayaly* (*Berdikay Ali*); 6) *Kayaly Bert*; 2 – Crimean Greek hydronym with the lexeme *khaya*; 3 – Turkish hydronyms with the lexeme *tash*; 4 – Slavonic (Ukrainian, Russian) hydronyms with the lexeme *kamyān-* (*kamen-*), *skel-* (*skal-*), *kremen-*; 5 – Slavonic hydronyms with the lexeme *berdo*; 6 – toponyms combining Slavonic topolexeme *Berda* and Turkish determinative (*Kayaly*, *Otaly*, *Gelach*); 7 – oronyms *Saur* (*Savur*) – *mogila*; 8 – the area of hydronyms with the toponymic adjective *qajaly*.

Abb. 1. Hydronyme mit den Sememen “Skala” (*Fels-*), “Kamen” (*Stein-*) in den Ortsnamen der Südostukraine. 1 – türkische Hydronyme mit dem Lexem *qajaly*: 1) *Qajalga* (*Qalga*); 2) *Qajaly Qulak*; 3) *Qajalyschan* (*Qajaly Dschujuschān*, *Qajalischā*); 4) *Qajalykula* (*k*); 5) *Berdy Qajaly* (*Berdyqaj Ali*); 6) *Qajaly Bert*; 2 – krim-griechisches Hydronym mit dem Lexem *chaja*; 3 – türkische Hydronyme mit dem Lexem *tasch*; 4 – slawische (ukrainische und

russische) Hydronyme mit den Lexemen kamjan (kamen), skel- (skal-), kremen-; 5 – slawische Hydronyme mit dem Lexem berdo; 6 – in einem Ortsnamen zusammen gefügte slawische Topolexeme Berda mit einem türkischen Determinativ (Qajaly, Otaly, Gelatsch); 7 – Oronym Saur (Sawur)-Grab; 8 – Areal der Hydronyme mit dem toponymischen Adjektiv qajaly.

Dess. 1. Hydronymes aux sémèmes “roche”, “pierre” en toponymie de l’Ukraine Sud-Est. 1 – hydronymes turcs au lexème qajaly: 1) Kaalga (Kalgа); 2) Kaaly Kulak; 3) Kaâlyşan (Kaâly Džuuşan, Kaalisa); 4) Kaâlikula (k); 5) Berdy Kaâly (Berdykaj Ali); 6) Kaâly Bert; 2 – hydronyme krymskogrec au lexème haa; 3 – hydronymes turcs au lexème taş; 4 – hydronymes slaves (ukrainiens, russes) aux lexèmes kam’jan- (kamen-), skel- (skal-), kremen-; 5 – hydronymes slaves au lexème berdo; 6 – topolexème slave Berda réuni dans un nom au déterminatif turc (Kaâly, Otaly, Gelaç); 7 – oronyme Saur (Savur) – mohyla; 8 – espace d’hydronymes à l’adjectif toponymique qajaly

рек земли Половецкой²¹. Этому допущению совсем не противоречит тот факт, что гидроним *Каяла* зафиксирован только одним памятником – “Словом о полку Игореве”²². Единичные упоминания в памятниках и других рек земли Половецкой (например, *Сутинь, Тор, Дегей, Сальница*) не означают, естественно, что они были мало известны на Руси XII в. Если бы битва с половцами произошла не на реке Сюурлий, а на какой-то другой реке земли Половецкой, то и она так же могла быть поименована автором “Слова” *Каялой*. Поэтому мы считаем малоперспективными попытки связать этимологическое значение гидронима (“каменистая”, “скалистая”) с природными признаками реальных географических объектов (а именно от этого этимологического значения отталкиваются некоторые историки в поисках загадочной *Каялы*). Реальная *Каяла*, очевидно, была настолько же далекой от места битвы Игоря, как и *Дунай* от “заборолы” Путивля, на котором причитала Ярославна. Перед нами одна из тех мнимых “не-

точностей” в самом поэтическом произведении древнерусской литературы, которая органично вытекает из всего его стилистического пространства²³.

Таким образом, подобно “поэтическому *Дунаю*” славянской народной поэзии, который утратил свое собственно топонимическое, или “географическое”, значение, “поэтическая *Каяла*” в “Слове о полку Игореве” также изначально имела свой топонимический объект. На наш взгляд, им могла быть нынешняя приазовская река Берда, кыпчакское название которой было усвоено русичами XI-XII вв. во время их успешных походов в половецкое Лукоморье. Популярность этого имени в русской среде, которая отождествляла *Каялу* с одним из хорошо известных на Руси XII в. районов половецких кочевий в Северном Приазовье, послужила причиной того, что *Каяла* в художественном тексте “Слова” превратилась в обобщенное название половецкой реки вообще, в поэтический эквивалент летописного гидронима *Сюурлий*, и собственно в этом ее символическое значение.

Литература и архивные материалы

- Андрианова-Перетц В.П., 1968. “Слово о полку Игореве” и памятники русской литературы XI-XIII вв. Л.
 Аристов Н.О., 1877. О земле Половецкой. К.
 Барсов Е.В., 1889. “Слово о полку Игореве” как художественный памятник Киевской дружинной Руси// Чтение в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн.2. М.
 Баскаков Н.А., 1975. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М.
 Белецкий А.А., 1969. Греческие элементы в географических названиях Крыма// Этимология. 1967. М.

²¹ К слову, это дополнение – “*рѣкы половецкыя*” – еще один аргумент в пользу реального существования *Каялы*. Сравните также другие свидетельства (в Ипатьевской летописи, под 1193 г.) про *Иалу* – “реку половецкую”, в названии которой А.И.Попов находит тот же суффикс *-ы* (Попов А.И., 1971, с.34).

²² Более поздние случаи его использования в памятниках – в киевской хронике 1185 г., “Задонщине” и в “Истории про великого князя Московского” А.М.Курбского (в форме *Куала*) – явно вторичного происхождения (см. об этом подробно в книге Б.А.Рыбакова “Слово о полку Игореве и его современники”).

²³ Предостерегая от прямолинейного восприятия отдельных мест в “Слове о полку Игореве”, академик Д.С.Лихачев в своем интервью корреспонденту “Литературной газеты” достаточно точно отметил: “...граница действительного и выдуманного в древней литературе проходила ближе к действительности, нежели она проходит сейчас, и с этой точки зрения комментарии историков “Слова” очень ценные, но все же, все же... “Слово” – это поэтическое произведение, а не документ, и на пути предъявления к нему исторического счета мы должны быть очень осторожны. Не всякое поэтическое лыко можно вставить в историческую строку” (Лихачев Д.С., 1975, с.6).

- Будагов Л.З.**, 1869. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.1. СПб.
- Будагов Л.З.**, 1871. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.2. СПб.
- Ваденик П.Е.**, 1878. Где нужно искать ту реку, на берегу которой 5-го мая 1185 года был разбит Игорь Святославич Новгородский и которая названа Каялой?// Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т.2. К.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи.** Т.16. Ч.1. Ставропольская губерния. 1851. СПб.
- Вопросы языкознания**, 1966. № 6.
- Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова**, 1743 р. Рукопись. ЦГВИА, ед. хр. 20 114.
- Головацкий Я.**, 1884. Географический словарь западнославянских и южнославянских земель и прилегающих стран. Вильно.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.**, 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Дмитриев Л.А.**, 1953. Глагол “каяти” и река Каяла в “Слове о полку Игореве”// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.9. М.; Л.
- Дубровин Н.**, 1885. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.1. 1775-1776 гг. СПб.
- Дубровин Н.**, 1885. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.2. 1778 г. СПб.
- Дубровин Н.**, 1887. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.3. 1779-1780 гг. СПб.
- Займов И.**, 1959. Местные имена в Придопско. София.
- Кеппен П.**, 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
- Конкашпаев Г.К.**, 1963. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата.
- Кордт В.**, 1931. Матеріали до історії картографії України. Частина 1. К.
- Корзухина Г.Ф.**, 1974. Еще раз о Тмутараканском болване// Культура средневековой Руси. Л.
- Костенков К., Барбог-де-Марни Н., Крыжин Н.**, 1861. Очерк Восточного и Западного Маньчжа// Журнал Министерства государственных имуществ. Ч.76. Кн.1.
- Кудряшов К.В.**, 1958. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М.; Л.
- Лихачев Д.С.**, 1967. Поэтика древнерусской литературы. Л.
- Лихачев Д.С.**, 1975. Солнце русской поэзии// Литературная газета. 22 октября.
- Лонгинов А.В.**, 1892. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса.
- Лотман Ю.М.**, 1958. О слове “папорзи” в “Слове о полку Игореве”// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М.; Л.
- Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии.** Естественно-историческая часть, 1904. Вып.1. Мариупольский уезд. Екатеринослав.
- Маштаков П.Л.**, 1934. Список рек Донского бассейна. Л.
- Мусаев К.М.**, 1975. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). М.
- Отин Е.С.**, 1974. Каталог рек Северного Приазовья// Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.10. К.
- Отин Е.С.**, 1975. Каталог рек Северного Приазовья// Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.11-12. К.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией**, 1890. Т.1. СПб.
- Плетнева С.А.**, 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
- Попов А.И.**, 1967. “Каяла” и “Канина” в “Слове о полку Игореве”// Русская литература. № 4.
- Попов А.И.**, 1969. Заметки о “Слове о полку Игореве”// Русская литература. № 4.
- Попов А.И.**, 1971. К изучению гидронимии Украины// Питання гідроніміки. К.
- Радлов В.В.**, 1893. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1. СПб.
- Радлов В.В.**, 1899. Опыт словаря тюркских наречий. Т.2. СПб.
- Радлов В.В.**, 1905. Опыт словаря тюркских наречий. Т.3. СПб.
- Радлов В.В.**, 1911. Опыт словаря тюркских наречий. Т.4. СПб.
- Рыбаков Б.А.**, 1969. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г.// Труды Отдела древнерус-

- ской литературы. Т. XXIV. Литература и общественная мысль Древней Руси. Л.
- Рыбаков Б.А.**, 1971. "Слово о полку Игореве" и его современники. М.
- Сібільов М.В.**, 1950. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського// Археологія. Т.4. К.
- Списки населенных мест Российской империи**, 1865. Т. XLI. Таврическая губерния. СПб.
- Список населенных мест Области войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.**, 1905. Новочеркасск.
- Сулейменов Олжас**, 1968. Где река Каялы?// Литературная Россия. № 38(298).
- Топоров В.Н., Трубачев О.Н.**, 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Тунманн**, 1936. Крымское ханство. Симферополь.
- Якобсон Р.О.**, 1958. Изучение "Слова о полку Игореве" в Соединенных Штатах Америки// Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т.14. М.; Л.
- Menges K.H.**, 1951. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian Epos „The Igor”Tale“. New York.
- Moszyński K.**, 1939. Kultura ludowa słowian. Cz.II. Z.2. Kraków.
- Pritsak O.**, 1964. Der Flussname 'Kalka'// International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol.VIII.
- Rozwadowski J.**, 1948. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków.
- Zajączkowski A.**, 1949. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław.
- Zierhoffer K.**, 1957. Nazwy miejscowe północnego Mazowsza. Wrocław.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

Kayala

The critical analysis of the existing etymologies of the hydronym *Kayala* in the text of "The Song of Igor's Campaign" which corresponds to the name *Syuurliy* in the chronicle about Prince Igor's campaign in 1185 is presented. An assumption about *Kayala* being a poetic equivalent for the real hydronym *Syuurliy* is being motivated. In the artistic language of "The Song..." the name *Kayala* is a generalized designation of any Polovets river as well as the Danube is often a symbol of a Slavonic river in the Slavonic folk poetry.

E.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Kajala

Eine kritische Betrachtung der bestehenden Ethymologien des Hydronyms *Kajala* im Text des "Igorliedes" ("Das Lied von der Heerfahrt Igers") liegt vor. Diesem Hydronym entspricht in der Chronik über die Heerfahrt des Fürsten Igor 1185 der Name *Sjuurlij*. Die Hypothese wird begründet, dass *Kajala* eine poetische Entsprechung des reale Hydronyms *Sjuurlij* ist. In der künstlerischen Sprache des "Igorliedes" ist der Name *Kajala* eine verallgemeinernde Bezeichnung jedes kumanischen Flusses, genauso wie in der slawischen Volkspoesie die *Donau* oft zu einem Symbol jedes slawischen Flusses wird.

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

Kaâla

Est présentée l'analyse critique des étymologies existantes de l'hydronyme *Kaâla* dans le texte du "Dit de la campagne d'Igor" auquel dans les annales relatant la campagne du prince Igor en 1185 correspond le nom *Suourlii*. Des preuves sont données à l'appui de l'hypothèse que *Kaâla* est l'équivalent poétique de l'hydronyme réel *Suourlii*. Dans le style poétique du "Dit" le nom *Kaâla* est la désignation généralisée de n'importe quelle rivière polovcienne comme dans la poésie slave populaire *le Danube* se présente en tant que le symbole de la rivière slave.

Часть 2. Форма *тарголове* в летописном свидетельстве о битве Игоря с половцами (1185 г.) на фоне ранневосточнославянских и древнетюркских бессуффиксных топонимов¹

Одним из загадочных слов в известном летописном свидетельстве о походе северского князя Игоря Святославича на половцев 1185 г. является гапакс *тарголове*. В таком виде эта словоформа зафиксирована в Ипатьевском списке летописи, датированном, учитывая почерк и бумагу, 1-й четв. XV в. Встречается он в том фрагменте летописного текста, где рассказывается о пленении Игоря: **“Игоря же вяхуць яли Тарголове мужь именем Чилбуць а Всеволода брата его яль Романъ Кзичь...”** (ПСРЛ, т.2, с.938, стб. 87, IV, с.644). В таком виде это слово попадает и в Хлебниковский список Ипатьевской летописи (XVI в.). Напротив, в более поздний – Ермолаевский список (кон.XVII – нач.XVIII в.) оно вносится в искаженном виде: **“Игоря же вяху яли Торгови мѹ(ж) Чилбѹк...”** (ПСРЛ, т.2, с.52, раздел “Приложение”). Еще большему искажению подвергается слово в Густинской летописи 1670 г.: **“Ять же вы[ть](с) и самъ кн[я]зь Игорь о(т) Та[р]галомава мужа Чи[л]бѹка”** (Літописні оповіді..., с.144, 161). Как нетрудно заметить, последний отрывок содержит и другие лексико-грамматические расхождения с ранней редакцией летописного рассказа о походе Игоря, которая дошла до нас.

Кто же такие *тарголове*, как эта форма осмысливалась и объяснялась исследователями? В.Н.Татищев в своей “Истории Российской с древнейших времен” дает такой перевод этого отрывка: “Игоря взяли Торговы мужи Чилбук, Всеволода взял Роман князь” – в первой редакции; “Потом половцы разделили князей: Игоря взяли Торгов воевода Чилбук, Всеволода – Роман князь” – в другой редакции книги (Літописні оповіді..., с.112). Маргинальная пометка “Торг. кн.” свидетельствует, что В.Н.Татищев связывал *тарголове* с антропонимом (очевидно, с именем предполагаемого половецкого военачальника) *Торг*, игнорируя всю остальную часть гапакса – *олове*. В “Примечаниях” к третьему тому “Истории государства Российского” (к его 3 главе) М.М.Карамзин приводит в вольном пересказе отрывок из Киевской летописи: **“И розведени быша, и поиде каждо в своя вежи. Игоря же вяху яли Тарголовъ мужь Чилбукъ, а Всеволода Романъ Кзичь”** (История государства Российского..., с.32), где форма *тарголове* трансформируется в относительное прилагательное от антропонима *Таргол*.

В 1853 г. объяснить форму *тарголове* стремится экстраординарный профессор Казанского университета И.Березин: “Половецкие ханы, вожди и

вообще половцы имеют тюркские имена...” – отмечает он и среди них приводит антропоним *Таргъ*, или *Тарголь*, этимологизируя его последний вариант на базе тюркской апелятивной словоформы *таркаул* “разбрасыватель” (Березин И., 1853, с.239).

Нам не известны другие попытки толкования и перевода этой формы в XIX в. И только в последние десятилетия было предложено еще три варианта передачи формы *тарголове* в переводах отрывка из Ипатьевской летописи. Первый из них – *тарголовец* – принадлежит известному историку, профессору МГУ К.В.Кудряшову: “Игоря взял Тарголовец, муж по имени Чилбук” (Кудряшов К.В., 1959, с.86). Отметим неточность: в летописных текстах это слово употреблено во множественном числе с флексией *-ове*. Понятно, что Игорь был пленен людьми с собирательным именем *тарголове*, одним из представителей которых (скорее всего, вождем) был половец по имени Чилбук. Обе части сообщения об этом объединены синтаксической сочинительной связью, присущей древнерусской разговорной речи, причем другая часть выполняет функцию уточнения: **“Игоря же вяхуць яли Тарголове // мужь именемъ Чилбуць”**.

Другой вариант перевода принадлежит С.А.Плетневой и В.Ю.Франчук. Первая из них (в книге о половецких изваяниях) включает суффиксально дооформленное ею и реально нигде не зафиксированное этническое название *Тарголовичи* в перечень названий половецких орд, морфологически освоенных древними русичами (с помощью патронимического суффикса *-ичи*): *Токсичи, Чагровичи, Етебичи, Тетьробичи, Улашевичи* и др. (Плетнева С.А., 1974, с.22). Этот искусственно созданный этноним использовала и В.Ю. Франчук при переводе вышеприведенного фрагмента летописного текста: “Игоря ж взял в плен муж по имени Чилбук из Тарголовичей” (Літописні оповіді..., с.185). В нем правильно передано то, что Чилбук – один из представителей какой-то группы половцев, но само название этой группы приводится в “препарированном” виде.

Наконец, заслуживает внимания попытка О.Сулейменова приблизить первую часть *тар-* к названию реки *Тор*, а *-голове* связать с расширенным монголо-тюркским гидрографическим термином *гол* “река”. Он впервые реконструировал древний вариант гидронима *Тор* в сочетании с этим термином – *Таргол* (Сулейменов О., 1968, с.21). Однако никаких пояснений значения первой части гид-

¹ Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К.: Наукова думка, 1992. С.42-48.

ронима и разночтения а/о в *Торъ* и *тарголове* он не приводит. Термин *гол* казахский поэт ошибочно усматривает и в составе многих исконно славянских гидронимов типа *Гола*, *Голенькая* (от *голый* “чистый, безлесный, лишенный растительности”), *Луноголова*, *Окаголова* (где *голова* – славянский географический апелятив со значением “исток, вершина, начало реки”). Предложенный О. Сулейменовым перевод: “Игоря взял муж по имени Чилбук с реки Таргол”, то есть Тор, неточный, потому что в нем не учитывается форма множественного числа с флексией *-ове*. Этот элемент гапакса поэтом не объяснен.

Игорь Святославич был пленен половцами, во главе которых стоял знаменитый хан Кончак. Его вежи находились на р. Тор (нынешний Казенный Торец, п. Северского Донца, протекает на территории Донецкой обл.). Это было могущественное государственное образование. Сохранились неопровержимые свидетельства о их численности в междуречье Среднего Донца и Нижнего Тора не только при Кончаке, но и в более ранний период, когда донецкое объединение половцев возглавлялось ханами Шаруканом, Сутром и Отроком; самое большое количество половецких каменных идолов, которые дошли до нас, как показало картографирование их распространения, выполненное С.А. Плетневой, приходится именно на данный район. Одной из орд этого могущественного половецкого союза, разбросанного в степи после их разгрома русскими князьями в результате победоносных походов в степь 1109, 1111 и 1116 гг., была орда, названная С.А. Плетневой *Торголовицами* (в летописи: *тарголове*), которая в 70 гг. XII в. влилась в созданное Кончаком новое племенное объединение, “самое большое государственное объединение половцев” (Плетнева С.А., 1974, с.22). Факт существования крупного половецкого центра “между Северским Донцом и Тором” признает К.В. Кудряшов (Кудряшов К.В., 1948, с.133) и другие исследователи. К этим вновь объединенным “восточным половцам, которые занимали Подонье и были под эгидой Шаруканидов” (в отличие от западных половцев – Бонякидов), против которых и был организован поход Игоря, И.Г. Добродомов относит имеющийся в тексте “Слова” этноним *хинове* или *хины*, из реконструированной формы **хынъ* < *құн* (Добродомов И.Г., 1978, с.103, 126). Итак, *тарголове* были, очевидно, составной частью хинов, какой-то ордой, которая входила в союз восточных половцев.

В форме *тарголове*, как и в *хинове*, явно выделяется флексия именительного падежа множественного числа (*й*-основ). Она оформляет и другие этнонимные образования, например: *ковуеве*, или *ковуеве* (Ипат. лет.: “*иже вяху с Ольстиномъ коуеве*”, “*возмятошася коуеве в полку, повъгоша*”) (ПСРЛ, 1962, т.2, XVI с., 938 стб., 87, IV с., 642), *отперлюеве*

(Плетнева С.А., 1974, с.22) и др. Захваченный *тарголами*, под предводительством Чилбука, князь Игорь находился в плену у Кончака на р. Тор, о чем говорится в Ипатьевской летописи. Тут, очевидно, была резиденция этого половецкого хана. Этот достоверный исторический факт делает правдоподобным предположение о том, что этноним *тарголове* прямо связан с “полным” вариантом названия речки, который содержит в своем составе географический термин. “Усеченная” форма гидронима *Торъ* приводится в тексте Ипатьевской летописи немного ниже, в описании побега Игоря из половецкого плена: “*переди на ону сторону Тора с конем поводнымъ*”. О происхождении гидронима *Тор* нам приходилось писать и раньше (Отин Е.С., 1987, с.133-136). Примечательно, что несколько выше *Тора* (**Таргола*) в Северский Донец впадает его левый приток (далее л.п.) *Оскол*, вторая часть названия которого содержит такой же термин-индикатор, но с иным альтернативом начального согласного, обусловленного глухостью предыдущего звука (ср. *Оскол*, *Ворскол*, современная *Ворскла*, но *Варгол*, **Таргол* и др.). Гидроним *Оскол* И.Г. Добродомов выводит из первичной формы **Аскол* “река ясов (асов), ясская (аланская) река”. На ее берегах проживали восточно-иранские племена ясов, или *асов*, и тюркские кочевники, которые пришли сюда позже, называли эту реку “по ираноязычному населению, которое проживало тут” (Добродомов И.Г., 1988, с.87-88). Это типичный тюркский изафетный этногидроним.

Однако историческая ономастика, славянская и тюркская, знает примеры образования этнонимов и от географических названий (топонимов). Чаще всего это суффиксальные топонимы, но среди древнерусских обозначений этноса, производных от топонимов, встречаются и такие, где роль словообразовательного форманта выполняет флексия множественного или единственного числа (в последнем случае она переносится в топоним из омонимичного топонима в результате его деонимизации, вызванной лексической метонимией). Г.А. Хабургаев называет такого рода образования “первичными (бессуффиксными) этнонимами” и указывает, что в “Повести временных лет” они представлены пятью словами: *дерева* (в *Деревѣхъ*), *дулеби*, **Поля* (на *Полехъ*), *Фѣверъ* и *хърватѣ*. Он делает вывод, что “образованиям с суффиксом *-ан-е* предшествовали “бессуффиксные” термины, которые закрепились как географические названия (они и послужили производящими основами для поздних народнонаименований), и что собственно “бессуффиксные” термины могут происходить исторически от собственно племенных названий (первичных этнонимов)” (Хабургаев Г.А., 1970, с.200, 201, 209). Подобными топонимами, образованными в результате чистой

трансонимизации (или точнее – деонимизации топонима при его переходе в этноним без выраженной суффиксации), Г.Ф. Ковалев считает древние названия народов *Морава* и *Литва* (Ковалев Г.Ф., 1980, с.71). Сравните в “Слове о полку Игоревом”: “Тү Нѣмцы и Венедици, тү Греци и Морава поють славү Святъславлю...”; в Лаврентьевской летописи: “яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава (в других списках: Морава – Е.О.) и прозвашася Морава” (ПСРЛ, т.1, 1962, 540 стб., – 6). К этой группе бессуффиксных топонимов с собирательным значением примыкает и племенное название *Сѣверъ* (его поздние афисально распространенные варианты: *Сѣвера*, *Сѣверо*, *сѣверяне*). Сравните в Лаврентьевской летописи: “а дрүзи сѣдоша по Десне и Бели (то есть Семи – Е.О.) и нарекоша сѣвѣръ”. По мнению В.В.Иванова и В.Н.Топорова, эта этническая группа восточных славян была северной по отношению “к иранским племенам скифского типа”, находилась на “северном краю скифского мира” и ее этническое имя представляет собой перевод “иранского обозначения севера” на славянский язык (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1980, с.30-31).

Таким же “бессуффиксным” топонимом является форма *Дунай*, которая встречается в начале Никоновской летописи (XVI в.) с собирательным значением “дунайские славяне”. Неизвестный составитель этого летописного сборника во 2-й пол.XVI в. мог перенести ее в текст из какого-то более раннего источника. В разделе, где рассказывается о расселении славян (под 859 г.), читаем: “По мнозѣхъ же временѣхъ сѣди Словене оуполъ Дуная, гдѣ есть нынѣ Угорская земля и Болгарская. И отъ тѣхъ Словенъ разидошася по земли, и на которомъ мѣстѣ сѣдоша, отъ того и имя собѣ нарекоша: сѣдоша на рѣцѣ Моравѣ и нарекошася Моравляне, а дрүзи нарекошася Чеси, а инѣи Хорвати Бѣли, инѣи Серви, инѣи Хорүтане, инѣи Дүнан” (ПСРЛ, 1862, т.9, с.3). Примечательно, что несколько ниже (под тем же 859 г.) этот же топоним приводится уже в суффиксированном виде – *Дунаичи*: “поищемъ и ұставимъ таковаго (князя – Е.О.) или отъ насъ, или от Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дүнанчевъ, или от Варягъ” (ПСРЛ, 1862, т.9, с.9). Вполне возможно, что в древности существовал и сингулятивный вариант этнонима – *Дунай*. Позднее он мог отразиться и в антропонимии восточных славян благодаря распространенному ономастиологическому сдвигу “этноним → антропоним”. В Ипатьевской летописи под 1281 г. упомянут воевода *Дунай*. Это имя имеет и один из персонажей былин. Могло быть и употребление топонимов без суффиксов, которые, как правило, выступали с собирательным значением, и при указании на единичного представителя данного этноса (ср. более поздний аналог в памятниках южно-

русского региона XV-XVII вв.: “*литва* Васко Микифоров”, “*литва* Игнатко Павлов” и т.д. (Волкова Н.А., 1987, с.98-102). Образование этнонимов на базе суффиксально недооформленных топонимов вследствие их трансонимизации происходило в восточнославянских языках вплоть до нового времени. Сравните, например, этноним *москва* “русский народ, русский (< Москва)” в староукраинском языке XVI-XVII вв. Ближе к таким наименованиям этноса стоит форма *бухары*, которая относится к бухарским купцам, в XVII-XVIII вв. торговавшим в Сибири; отмечена в зачине шуточной песни из сборника Кирши Данилова: “Там на горах наехали бухары...” (Древние российские стихотворения..., 1977, с.213).

Такого рода топоним мог быть и гапакс *тарголове*, как название половецкой орды, использованный только в форме множественного числа. Сейчас трудно определить, произошла ли этнонимизация гидронима **Таргол* на славянской или на тюркской языковой основе. Дело в том, что тюркским языкам древности также известны этнонимы, которые возникли путем деонимизации географических названий и перехода их в этнонимы. Это, например, название тюркского племени *хорзум* (< *Хорзум* < *Хорезм*) (Еремеев Д.Е., 1970, с.139), этноним *argu* в “Дивану лугат-ит-тюрк” Махмуда Кашгарского (XI в.), образованный от названия области между Таласом и Баласагуном (от апеллятива *argu* “межгорье”); этноним *aramut* – от названия местности *Aramut* (Махпиров В.У., 1980, с.42, 45) и др.

Если даже название половецкой орды (или той части хинов, которая территориально была связана с Тором) – тюркского происхождения, то в тексте Ипатьевской летописи она предстает перед нами уже как грамматически освоенное определение территориальной и в этом понимании – этнической группы половцев Среднего Придонечья. В равной мере возможно и то, что этнонимическая форма *тарголове* функционировала как аллоэтноним – название всей группировки тюркских половцев, которая бытовала в языке русских дружинников, осуществлявших систематические походы против донецких половцев.

Все сказанное позволяет нам не согласиться не только с приведенной выше этимологией И.Березина, но и с известным польским тюркологом А. Зайончковским, который связывал *тарголове* с древним обычаем тюрков давать родовые названия по масти коней, бывших во владении той или иной орды. Он сближает летописных *тарголов* со словом *targyl* “полосатый”, прилагательным для обозначения масти коней (Zajaczkowski A., 1949).

Остается объяснить разногласия в написании (и, очевидно, в произношении) элемента *тор/тар* в гидрониме и топониме. Мы исходим из того, что *тар* является тюркским прилагательным со зна-

чением “узкий, тонкий”. Он зарегистрирован и в известном памятнике кыпчакского (куманского, половецкого) языка “Codex Cumanicus”. *Таргол, или Тор, – это “неширокая река”, очевидно, в сравнении с какой-то другой рекой, которая находится рядом, возможно, самим Донцом. В состав половецкого (кыпчакского) союза входили и племена с огузской языковой основой. Гидроним Тор мог сформироваться в диалектах половецкого языка с огузскими чертами, одной из которых было огубленное *â* в начале слога. Они, к тому же, испытали влияние болгарского языка. Булгары, как известно, наряду с асами, были создателями т.н. салтовской культуры, материальных следов которой осталось много на смежной территории. Изменение *â* > *o* у в начале слога на болгарской основе хорошо отражена в чувашском языке, в верхних диалектах которого представлена лабиализация *â* > *o*. Кроме того, в тюркских языках мы находим немало примеров, которые свидетельствуют и о “комбинаторной обусловленности” лабиализации *â*, в том числе и перед *p* (Щербак А.М., 1970, с.40), что также могло иметь место в огузско-болгаро-кыпчакских диалектах половецкого союза. Освоение славянами слова тар с предполагаемым *â* давало разные результаты: *o* и *a*. Аналогично древнеболгарское личное имя Баян в “Слове о полку Игореве” передается в форме Боян (с *o* на месте тюркского *a* в первом слоге), которое позднее вследствие народной этимологии

(под влиянием глагола *баяти* “говорить”) изменяется в *баянь* (Менгес К.Г., 1979, с.81-82 в). С другой стороны, тюркский этноним **tatran* (tat-ran) передан в тексте “Слова” без изменения *a* первого слога в *o*: татарны (тв. п. ед. ч.) (Менгес К.Г., 1979, с.137). В своем “изолированном” состоянии Тарь мог испытать влияние со стороны славянской основы -*тор*-. В свете сказанного мы считаем, что вышеупомянутый отрывок из описания похода князя Игоря в Ипатьевской летописи следует переводить не так, как он представлен в существующих изданиях. Гапакс тарголове является этническим наименованием той части донецких половцев во главе с Кончаком, которая свои главные кочевья имела на р.Тор. Очевидно, это были какие-то отборные части половецкого войска, ханская “гвардия”. Именно им, своим тарголам, доверяет захватить Игоря Кончак, который явно не был заинтересован в его гибели на поле боя (о чем прямо говорится в летописи: “Тогда же на польчи Кончакъ поручися по свата Игоря зане бяшетъ ранен”) и стремился при разделе добычи и знатных пленников получить свой главный трофей. Он везет его к себе на берега Тора, или *Таргола, где находились сторожевые вежи преданных ему тарголов. Поэтому отрывок, где сообщается о захвате Игоря половцами, предлагаем переводить так: “пленили Игоря таргольские половцы (или тарголы) во главе с мужем по имени Чилбук”.

Литература и архивные материалы

- Березин И., 1853. Первое нашествие монголов на Россию// Журнал Министерства народного просвещения. Ч.29. Июнь.
- Волкова Н.А., 1987. Где люди живут, такое “имя” и носят// Русская речь. № 6.
- Добродомов И.Г., 1978. О половецких этнонимах в древнерусской литературе// ТС. 1975. М.
- Добродомов И.Г., 1988. Оскол: Этимологический этюд// СТ. № 2.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, 1977. М.
- Еремеев Д.Е., 1970. К семантике тюркской этнонимии// Этнонимы. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1980. О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы// Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. К.
- История государства Российского, сочинение Н.М.Карамзина, 1842/ Издание 5-е. Кн.1. Т.1-4. СПб.
- Ковалев Г.Ф., 1980. Собираемые этнонимы в “Повести временных лет”// Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж.
- Кудряшов К.В., 1948. Половецкая степь. М.
- Кудряшов К.В., 1959. Про Игоря Северского, про землю Русскую: Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М.
- Літописні оповіді про похід князя Ігоря. 1988/ Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В.Ю.Франчук. К.
- Махпиров В.У., 1980. Смысловые модели этнонимов “Дивану-дугат-ит-тюрк” Махмуда Кашгарского и их типологическая классификация// Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. Алма-Ата.
- Менгес К.Г., 1979. Восточнославянские элементы в “Слове о полку Игореве”. Л.
- Отин Е.С., 1987. Тор и Краматорск// Русская речь. № 5.
- Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е4-2.

- ПСРЛ, 1962. Т.1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Фототипическое воспроизведение 2-го изд. 1926/1928. М.
- ПСРЛ, 1962. Т.2. Ипатьевская летопись. М.
- ПСРЛ, 1962. Т.2. Ипатьевская летопись. 52, раздел “Приложение”. М.
- ПСРЛ, 1862. Т.9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.
- Сулейменов Олжас, 1968. Где река Каялы?// Литературная Россия. № 38 (298).
- Хабургаев Г.А., 1970. Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. М.
- Щербак А.М., 1970. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
- Zajączkowski A., 1949. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

The Form of *Targolove* in the Chronological Evidence about Igor’s Battle with Polovtsy (1185) against the Background of the Early East-Slavonic and the Ancient Turkic Suffixless Topoethnonyms

The existing interpretation and variants of the translation of *targolove* into the modern language of the text of Ipatjev’s annals in which the captivity of Seversky Prince Igor by the Polovtsy in 1185 has been mentioned (in the works by Tatitshev V.N., Berezin I., Kudryashov K.V., Zainchkovsky A., Pletnyova S.A., Franchuk V.Y.) have been examined. The analysis of the word-form *targolove* permitted a conclusion that this is the local metonymic topoethnonym devoid of the suffix arrangement and formed as a result of the transference of the reconstructed name of the river (*Targol) on to the ethnic group which lived in the adjacent area. The inflection of the plural *-ove* performed the function of the ethnoformant.

E.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Die Form *targolowe* im Chronikzeugnis der Schlacht Igors gegen die Kumanen (1185) auf dem Hintergrund der frühen ostslawischen und alttürkischen suffixlosen Topoethnonymen

Behandelt werden die bestehenden Deutungen und Varianten der Übersetzungen in die moderne Sprache des Hapaxes *targolowe* im Text der Ipatjev-Chronik (Studien von V.N. Tatischev, I. Beresin, K.W. Kudrjaschow, A. Zajontschkowski, S.A. Pletneva, V.J. Frantschuk), in denen über die Gefangennahme Igors, des Fürsten von Novgorod-Severskij, berichtet wird. Die Analyse der Wortform *targolowe* ließ zur Schlussfolgerung kommen, dass dies der lokale metonymische Topoethnonym ist, der keine suffixale Formung erfahren hatte und im Ergebnis einer Übertragung des rekonstruierten Flussnamens (Targol) auf die ethnische Gruppe entstanden was, die im angrenzenden Gebiet gelebt hatte. Die Pluralflexion *-owe* sorgte für die Ethnoformanten-Funktion.

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

La forme *targolove* dans les annales relatant la bataille d’Igor contre les Polovec (1185) construite sur le modèle des toponymes sans suffixes des anciennes langues slaves orientales et des anciennes langues turques

Sont considérées les interprétations et les variantes existantes de la traduction en langue moderne du hapax *targolove* dans le texte des annales Ipatievski, où l’on parle de la captivité par les Polovec du prince Igor de Seversk en 1185 (dans les travaux de V.N.Tatichtchev, I.Berezine, K.V.Koudriachov, A.Zaïontchkovski, S.A.Pletniova, V.Y.Franchouk). L’analyse de la forme du mot *targolove* a permis d’en venir à la conclusion que c’est un topoethnonyme métonymique local n’ayant pas reçu de suffixe, apparu en raison du transfert du nom de rivière reconstruit (*Targol) sur un groupe ethnique habitant un territoire limitrophe. La flexion du pluriel *-ove* remplissait la fonction de l’ethnoformant.

Часть 3. Калка¹

Первым, кто затронул вопрос о происхождении этого гидронима, был Н.О.Аристов, который считал Калку аллегривой формой названия *Каялка* (Аристов Н., 1877, с.20). Вместе с тем, важно объяснить редукцию ударного слога в упомянутом деминутиве так же, как и доказать идентичность Калки и загадочной Каялы. Следующей по времени является ономастиологически неубедительная этимология Д.И.Эварницкого, которая основывается на случайном звуковом совпадении с турецким словом *калка* – “цит, навес” (Эварницкий Д.И., 1890, с.160). Таким же невниманием к принципам топонимической ономастиологии отличается и толкование К.В.Кудряшова: “*Halka* (Калка) значит круг, воронка (...) *Halkalanmak* применительно к воде означает расходиться кругами, воронкой. При быстром течении в скалистых берегах на поверхности реки действительно наблюдаются воронки, которые расходятся” (Кудряшов К.В., 1948, с.73). Чрезвычайно прямолинейным мыслится автору этот переход тюркского апеллатива в название реки.

Вопросу о происхождении гидронима *Калка* посвящено специальное исследование О.Прицака (Гарвадский университет) “*Der Flussname Kalka*” (Pritsak O., 1964, с.61-66). Летописную форму *Калка* автор считает производной от первичной *Kalku*, которая была переосмыслена русскими как форма именительного или винительного падежа множественного числа. Как несклоняемая форма интерпретируется им также и вариант мужского рода *Калакъ* (отсюда, вследствие морфологического усвоения гидронима, в Синодальном списке Новгородской I летописи появляется форма творительного падежа – “надъ рѣкою надъ Калкомъ”). По О.Прицаку, *Kalku* < **Qalqī*, *Kalak* < **Qalaq* (**Qalqī* ∞ **Qalaq*), где **qal-* “камыш” в гуннобулгарской группе тюркских языков возникло из *qaš-*. В **Qalaq* (из **Qašaq*) конечный элемент гидронима (-*aq*) рассматривается О.Прицаком как деминутивный суффикс. Таким образом, гидронимические образования *Qalqī* и *Qalaq*, которые предшествуют древнерусским летописным вариантам *Калка* и *Калакъ*, по мнению О.Прицака, имели значение “место, поросшее камышом”.

Остаются невыясненными как различия в гласных в составе суффиксов вариантов мужского рода – *Калакъ* (он считается О.Прицаком “основной фор-

мой” названия реки) и *Калькъ* (то есть -*акъ*// -*ькъ*), так и происхождение зафиксированного “Книгой Большому чертежу” бессуффиксного варианта *Кала* (последний как топонимическое приложение вошел в состав гидронима *Кальмиус*).

Наконец, И.Г.Добродомов предпринял попытку вывести гидроним *Калка* из “булгарской разновидности термина *qašqa*”, в котором на месте общетюркского *š* находим булгарское *l* (булгарский ламбдаизм) (Советская тюркология, 1973, с.115).

Наиболее убедительной, на наш взгляд, является этимология М.Фасмера, которая базируется на сближении корня *Кал-* с омонимичным апеллативом (Фасмер М., 1964-1973, т.2, с.169), невзирая на замечания одного из рецензентов его словаря о “единичности” этого образования в гидронимии днепровского бассейна (*Rocznik slawistyczny*, 1960, с.134).

Название реки Калки (в “Книге Большому чертежу” – *Калы*) хорошо соотносится с гидрографической характеристикой Кальмиуса (тождественность Калки и Кальмиуса или его правого притока Кальчика сегодня у большинства ученых уже не вызывает сомнений) – реки с мутной и очень минерализованной водой, топким руслом и берегами². Его “течение почти не заметно, отсюда происходит болотный вкус воды (...). Русло реки и берега глиняные”, – писал о Кальмиусе в сер.ХІХ в. Штукенберг (Stuckenberg I., 1847, с.225).

Для авторов летописных рассказов о первой битве русских с татарами *Калка* уже достаточно известное в Северном Приазовье название реки. Новейшие археологические данные показывают, что территория на восток от Днепровского Левобережья, как и само левобережье, заселялась славянами со стороны западных – правобережных районов, хотя время и границы такого расселения определяются по-разному (Третьяков П.Н., 1953, с.156, 254-259; Ляпушкин И.И., 1961, с.256, 357, 366; Шрамко Б.А., 1962, с.264-265).

Уже в кон.ІХ – Х в. и до ХІІ в. славянское племя северян прочно утверждается на речных путях к Азовскому морю. “Проводниками раннего славянского продвижения на восток и юго-восток должны были быть северяне”, – писал Ю.В.Готье (Готье Ю.В., 1930, с.225). С его выводами солидарен и П.Н.Третьяков (Третьяков П.Н., 1953, с.259). На берегах Азовского

¹ Отин Є.С. Гідроніми Східної України. Київ – Донецьк, 1977. С.9-16.

² Кальмиус – одна из наиболее типичных рек сульфатного класса – протекает в VI зоне мутности, которая колеблется в пределах от 500 до 1000 г/м³. В период летней межени вода Кальмиуса становится еще больше минерализованной, доходя до 1333 мг/л (Соколов А.А., 1952, с.186; Шаповалов Г.И., 1959, с.172; Очерки по гидрографии рек СССР, 1953, с.42; Коненко Г.Д., 1952, с.127).

моря и в Подонье жили и летописные „бродники“, славянское „воинственное население, прототип позднейшего казачества“ (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950, с.203) (они, „бродники“, к слову, брали участие в битве с татарами на Калке в 1223 г.).

Днепровских славян, которые осуществляли экспансию в юго-западном направлении, могла поразить значительная мутность воды приазовских рек, в частности Кальмиуса, который своими истоками почти вплотную подходил к р. Волчьей, левого притока (далее л.п.) Самары, л.п. Днепра. Это могло отразиться и на названии Калка (Кала). Различие в степени замутненности Днепра и рек Приазовья было известно и древним грекам. Геродот в IV книге своей „Истории“ так пишет о Борисфене: „Вода его на вкус очень приятна, чиста, тогда как реки, которые текут рядом с ним, имеют мутную воду“. На это указывает и римский географ 1-й пол. I в. н.э. Полоний Мела во 2-й книге „De situ orbis“. К этому следует еще добавить большой перепад в зонах мутности этих рек, вдоль которых могло происходить расселение приднепровских славян на юго-восток – до Синего моря: если левобережные притоки Днепра от Киева до Днепропетровска имеют показатель среднеречной мутности от 50 до 100 г/м³, то Кальмиус (прежняя Калка) протекает в зоне, где этот показатель составляет 500-1000 г/м³ (Шамов Г.И., 1959, с.172). Высказанное предположение тем более достоверно, что Кальмиус так же, как и левый приток Днепра – Самара с Волчьей, на протяжении длительного времени был известен как важнейшее звено итинерия приднепровских славян в их связях с юго-востоком – побережьем Азовского моря, Тмутараканью, Хазарией и Кавказом (Брун Ф.К., 1879, с.120).

Следует иметь в виду продуктивность корневого элемента *кал* в восточноевропейской топонимии. Приведем несколько примеров. В „Росписи Донецким сторожам“ (1571 г.) это река *Калище*, которая гипотетично определяется как приток Мерла (Беляев И., 1846, с.18; Марголин С.Л., 1948, с.25), в „Переписи слободских полков гвардии майора Хрущова“ (1732 г.) – р. *Кальница*. Сравните еще: *Кальника* – правый приток (далее л.п.) Соби, л.п. Южного Буга (Кеппен П., 1837, с.59; Маштаков П.Л., 1934, с.36); ручьи *Калек* и *Каленец* (первый приток р. Базыга, другой – р. Тигода) (Реки и леса Ленинградской области, 1929, с.52, 132). Корень *кал-* отразился в топонимии других славянских территорий. Сравните: *Kalivody* (чешский топоним 1389 г.) (Šmilauer V., 1960, с.80), многочисленные названия с этим корнем в польской топонимии: *Kal* (название села), *Kalna* – река в бассейне Одера, *Kalwa* (озе-

ро), *Kalawa* (река в бассейне Малой Панвы, п.п. Одера), несколько ойконимов – *Kalka*, *Kalki* (село, озеро), *Kaly* (озеро) и много других (Rospond S., 1951, с.113-114); в бассейне Вислы: *Kalec* (озеро) *Kaleń* („woda stojąca“), *Kalek*, *Kalk*, *Kalnica*, *Kalna*, *Kalawa*, *Kalenica* (Hydronimia Wisły, 1965, с.20, 134, 178, 202, 237, 251, 432, 479, 494, 568) и др.; в топонимии Лемковщины: *Kalnica*, *Kalna* и т.д. (Stieber Z., 1948, с.23). Сравнить еще: болгарские гидронимы *Кальница* (п.п. Тунджи), *Калник* и *Кални извор* (притоки Виты), *Канагьол*, *Канльдере* (последние два гидронима, как считает В. Георгиев, – отуреченные формы болгарского названия *Кална*) (Георгиев Вл., 1960, с.49). Многочисленные примеры можно найти и на других славянских территориях (Schultheis J., 1967, с.507-511).

Таким образом, только на юге европейской части СССР есть группа рек, в названиях которых отразилась корневая морфема *кал-*, которая ставит название *Калка* в определенный тополексемный ряд. Вероятно, следует исходить из допущения о гетерогенности восточноевропейской гидронимии с корнем *кал-*: наряду с поздними гидронимическими наслоениями восточнославянского периода здесь могут быть выявлены образования раннего славянского и дославянского периодов.

Мы допускаем, что название *Калка* (или *Кала*) возникло на основе славяно-скифских, или славяно-иранских (если придерживаться традиционного взгляда на иранское происхождение скифского языка³), языковых контактов как следствие „многого перевода“ какого-то гидронима с индоевропейским корнем **kel-* // **kāl-* „черный“. Наложение славянского гидронима на среднеиранское речное название имело место в районе возможного славяно-сарматского (или аланского) пограничья, которое находилось, как считают археологи, в междуречье Днепра и Северского Донца, то есть там, где протекал доисторический пра-Кальмиус. Восточные славяне, знакомые с топонимическими структурами типа *Калка*, могли воспринять как „свое“ тождественное в морфемно-семантическом отношении образование иранского происхождения.

На славянских землях можно найти и другие случаи „мнимых (воображаемых) переводов“ первичных гидронимов. Для примера сошлемся на гидронимы *Висла* и *Десна*. Первый из них, как считает Я. Розвадовский, накладывается на более ранний кельтский гидроним с индоевропейским корнем *veis-*, а другой – на иран. *dašina* – „правая“ (Rozwadowski J., 1948, с.17, 19, 291). Естественно, „мнимый перевод“ славянами арийского гидронима с индоевропейским корнем **kel-* // **kāl-* мог и не

³ Ср. точку зрения К.Треймера (Австрия) о принадлежности скифов к „древнеанатолийскому языковому кругу“ (IV Международный съезд славистов, 1962, с.420).

быть идентичным. Тут могла иметь место обычная конвергенция подобных значений: “черная” (река) ∞ “грязная” (река). Итак, в данном случае не исключается переосмысление славянами одного из древних “цветовых” названий рек индоевропейского происхождения на юго-востоке Европы.

Корневая морфема гидронима *Калка* корреспондирует с такими словоформами, как: санскр. *kālas* – “черный, темно-синий”; *kalká* – “грязь, грех”, *kālusá* – “грязь, черный”; *kalanka* – “пятно, ржавчина” (Pokorny J., 1947, с.547); осет. *kaelaex* – “скользящая (от снега, льда) дорога” (Абаев В.И., 1958, т.1, с.577); новоперс. *čarma* – “плесень”; курд. *čerte* “белый” (последние два примера – со следами ротацизма) и др. Таким образом, *Калка* (или *Кала*) – одна из древнейших “черных рек” на юге Восточной Европы, название которой позднее было переосмыслено как “грязная, илистая, мутная”, что отвечало ее гидрографическим особенностям и вытекало из значения славянского апеллятива.

До недавнего времени считалось, что в древнеиранских языках не было сонанта *l*, присутствующего в корневой части гидронима *Калка*⁴. На этой позиции стоял А.Мейе и Ф.Ф.Фортунатов (Мейе А., 1938, с.131; Фортунатов Ф.Ф., 1956, с.273); этот согласный не включал в фонетическую систему скифского языка и В.И. Абаев, который допускал, однако, переход *r > l* (ламбдаизм) в аланских диалектах в фонетически связанной позиции (перед *i*) (Абаев В.И., 1949, с.202), но в поздних своих работах по скифскому языку и исторической фонетике осетинского языка это положение В.И.Абаевым было пересмотрено. Венгерский ученый Дж.Гарматта в своей статье об иранских собственных названиях в греческой эпиграфике на юге России доказывает наличие фонемы *l* в диалектах древних иранцев (Harmatta J., 1950-1951, с.290); А.А.Зализняк, рассматривая характер языковых контактов между славянскими и скифо-сарматскими племенами, допускает, что фонологически самостоятельное употребление *l* в скифском языке наблюдается сравнительно рано (Зализняк А.А., 1963, с.23). И, наконец, к ценным и убедительным выводам пришел сам В.И.Абаев в специальном исследовании о фонеме *l* в осетинском языке (Абаев В.И., 1964).

Говоря об условиях возникновения вторично *l*, автор отмежевывает большое количество слов,

в которых наличие *l* нельзя подвести ни под одну из определенных им формул развития осетинского ламбдаизма. “Если рассматривать эти слова, – пишет он, – то окажется, что многие из них ... индоевропейского происхождения и притом такие, в которых *l* был в индоевропейском языке. Создается впечатление, что в этих случаях осетинский язык вопреки иранскому ротацизму удерживал индоевропейское *l*, то есть дает такую же картину, какую находим в санскрите”. Сохранение и.-е. *l* проявляется, по наблюдениям В.И. Абаева, “в строго определенной группе слов: в ареальных скифо-европейских изоглоссах, то есть в словах, которые в скифо-осетинском языке не унаследованы из древнеиранского, а возникли вследствие контактов с европейскими языками: славянскими, балтийскими, “протохарским”, германским, итальянским”.

К перечисленным В.И.Абаевым соответствиям (*laesaeg* – “лосось”, *laenk* – “впадина”, *ulaen* – “волна”, *gaelaes* – “голос” и многим другим) можно включить и осетинское слово *kaelaex* – “скользящая (от снега, льда) дорога”, которое сам исследователь соотносит с русским диалектным словом *калуга* – “грязюка, болото” (Абаев В.И., 1958, т.1, с.577). Появление фонемы *l* в скифо-осетинском языке он датирует периодом не позднее V в. до н.э. Об этом свидетельствуют скифские имена, которые содержат *l*, у Геродота и в памятниках более позднего – сарматского периода, имена мифологических родоначальников скифов *Колаксай* и *Липоксай* в эпических рассказах (Миллер Вс., 1886, с.263, 270; 1913, с.85-86), самоназвания скифов *сколоты*, *паралаты* (Артамонов М.И., 1953, с.180-181) и др.

Таким образом, в условиях скифо-европейских ареальных контактов вполне возможно сохранение плавного *l* в и.-е. корне **kāl-*; эта лексическая изоглосса позднее отражается в названиях *Калка* (*Кала*) и, возможно, *Калюс* (бассейн Днепра; ср. санскр. *kālusá* – “грязь, черный”).

“Мнимый перевод” иранского гидронима с и.-е. корнем **kāl-* мог и не сопровождаться переоформлением структуры гидронима, т.е. велика вероятность того, что формант *-k(a)* также дославянского происхождения. В данном случае идет речь еще про один славяно-иранский словообразовательный параллелизм – на этот раз целостнолексемную топонимическую тождественность⁵.

⁴ В “Altiranisches Wörterbuch” Х.Бартоломе (Strassburg, 1904) иранские рефлексы индоевропейского **kāl-*, **kēl-* отсутствуют, но словарь Покорного дает древне- и среднеиранские соответствия – *caile* и *gaile* (оба в значении “пятно” с примечанием: “mit unklaren Verhältnis zu kel-”) (Pokorny J., 1947, с.548).

⁵ Вопрос о славянско-неславянских целостнолексемных соответствиях в последнее время привлекает к себе все большее внимание этимологов. Особенно четко это положение было сформулировано в докладе О.Н.Трубачева “Работа над этимологическим словарем славянских языков” на первом Московском симпозиуме по этимологии 25-31 января 1967 г. (Вопросы языкознания, 1967, №4).

Суффиксальная примета *-k-* (в составе формантов *-ka*, *-aka*, *-ag*) широко представлена в скифских антропонимах, вкрапленных в греческие эпиграфические тексты Северного Причерноморья. Вс.Миллер назвал *-aka* “любимым иранскими языками” суффиксом (Миллер Вс., 1886, с.242; 1913, с.83, 88, 93, 95). По наблюдениям С.А.Жебелева, в надписях Северного Причерноморья около 70 собственных имен, “притом явно туземных”, в своей конечной части имеют *-ak* или *-ag* (Жебелев С.А., 1953, с.108). Суффиксы *-ak* или *-ek* распространены и в топонимии современных ираноязычных территорий (Розенфельд А.З., 1962, с.69; Савина В.И., 1964, с.161). Структурным аналогом гидронима *Калка* (и его летописных вариантов *Калакъ*, *Калъкъ*) может служить название левого притока Семи-Анака (из иран. **ap-aka*). В свете гипотезы об иранских истоках названия *Калка* объясняются и звуковые различия в суффиксальной части вариантов мужского рода гидронима *Калакъ* и *Калъкъ* (*Калокъ*). Эти расхождения – следствие отображения на славянской почве аланских суффиксов *-āk(-āg)* и *-ǣk(-ǣg)*, широко присутствующих в антропонимии припонтийских надписей, которые, по наблюдениям В.И.Абаева, могли широко выступать в значении “усиливающего основу наращения, которое не придавало ей особого оттенка” (Абаев В.И., 1949, с.222)⁶.

Суффикс *-k(a)* присутствует и в топонимии других территорий, издавна заселенных индоевропейцами. Как “сравнительно редкий” формант

древнеевропейской гидронимии он приводится Г.Краэ (главным образом в германской и литовской гидронимических номенклатурах) (Krahe Н., 1963, с.296-297). Интересно, что и тут отмечается такая же синонимия деривационных аффиксов, что и на славянских землях. Сравните, с одной стороны, *Калка*, *Калакъ*, *Калъкъ* и их коррелят *Кала* (“Книга Большому Чертежу”), а с другой стороны, *Nerka//Nera*, *Arika//Ara*, *Salika//Sala*, *Varika//Vara* и др. (Krahe Н., 1963, с.314-316, 330, 333, 335, 338).

Не только в период возникновения, но и в период освоения гидронима славянами (или конфронтации иранского и древнеславянского гидронимов с тождественными структурами – в рассмотренном выше случае “мнимого перевода”) название *Калка*, возможно, никогда не воспринималось как деминутив, и суффикс этого названия всегда имел релятивное значение.

В области ономастического словотворчества среднеиранский субстрат на территориях со смешанным населением мог играть роль катализатора, который ускорил становление новых ономастических структур. На специфические славяно-иранские инновации в области личных имен указывает в своих образцовых трудах по славянской антропонимии Т.Милевский. Сравните также предположение Т.Лер-Сплавинского о том, что продуктивность типичного для Среднего Днепра (и редкого в бассейнах Одера и Вислы) суффикса *-ъ < *-i* была, возможно, активизирована славяно-иранскими и славяно-фракийскими контактами⁷.

Литература и архивные материалы

- Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.; Л.
 Абаев В.И., 1958-1973. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1-2. М.; Л.
 Абаев В.И., 1964. Фонема *l* в осетинском// Иранская филология. Л.
 Аристов Н.О., 1877. О земле Полонецкой. К.
 Артамонов М.И., 1953. Этнический состав населения Скифии// Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. К.
 Беляев И., 1846. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской уkraine Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.
 Брун Ф.К., 1879. Черноморье. Т.1. Одесса.
 Георгиев Вл., 1960. Българска етимология и ономастика. София.
 Готье Ю.В., 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.
 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
 Жебелев С.А., 1953. Скифский рассказ Геродота// Северное Причерноморье. М.; Л.

⁶ Некоторые структуры иранского ономастикона припонтийских надписей как в словообразовательном, так и в семантическом отношении проявляют идентичность с одной из летописных разновидностей гидронима *Калка* – *Калакъ* (*Калъкъ*, например, в Синодальном и Комиссионном списках Новгородской I летописи; в Новгородской IV летописи – *Калъкъ*: “над *Калакомъ*”, “за *Калакомъ рѣкѣ*”). Сравните собственное имя *Σαῦκος* (со вторичным греческим окончанием *-os*), которое В.Миллер соотносит с иранским прилагательным *syāva* – “черный”: **syāva-ka*.

⁷ В связи с этим большой интерес вызывает гипотеза В.И.Абаева о субстратных (скифских) источниках перехода *g > γ (h)* в некоторых славянских языках (Абаев В.И., 1964, с.43, и далее).

- Зализняк А.А.**, 1963. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами// Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР. № 38. Славянское языкознание.
- Кеппен П.**, 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
- Коненко Г.Д.**, 1952. Гидрохимическая характеристика малых рек УССР. К.
- Кудряшов К.В.**, 1948. Половецкая степь. М.
- Ляпушкин И.И.**, 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа (Археологические разыскания о времени заселения левобережья славянами). М.; Л.
- Марголин С.Л.**, 1948. Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI в.// Военно-исторический сборник. М.
- Маштаков П.Л.**, 1934. Список рек Донского бассейна. Л.
- Мейе А.**, 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.
- Миллер Вс.**, 1886. Эпиграфические следы иранства на юге России// Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь.
- Миллер Вс.**, 1913. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях// ИАК. Вып.47. СПб.
- Очерки по гидрографии рек СССР**, 1953. М.
- Реки и леса Ленинградской области**, 1929/ Сост. Д.Ф.Шанько. Л.
- Розенфельд А.З.**, 1962. Топонимика Ванжа// Топонимика Востока. М.
- Савина В.И.**, 1964. О типах словообразования топонимов Ирана// Топонимика Востока. Новые исследования. М.
- Советская тюркология**, 1973. Баку. № 4.
- Соколов А.А.**, 1952. Гидрография СССР. Л.
- Третьяков П.Н.**, 1953. Восточнославянские племена. М.
- Трубачев О.Н.**, 1967. Работа над этимологическим словарем славянских языков// Вопросы языкознания. № 4.
- Фасмер М.**, 1964-1973. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4. М.
- Фортунатов Ф.Ф.**, 1956. Избранные труды. Т.1. М.
- IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии**, 1962. Т.2. М.
- Шамов Г.И.**, 1959. Речные наносы. Л.
- Шрамко Б.А.**, 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Эварницкий Д.И.**, 1890. Вольности запорожских казаков. СПб.
- Harmatta J.**, 1950-1951. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia// Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. I. Budapest.
- Hydronimia Wisły**, 1965. Cz I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym/ Pod red. P.Zwolińskiego. Wrocław – Warszawa – Kraków.
- Krahe H.**, 1963. Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie. Wiesbaden.
- Pokorny J.**, 1947. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern.
- Pritsak O.**, 1964. Der Flussname 'Kalka'// International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol.VIII.
- Rocznik slawistyczny**, 1960. T.XXI. Cz.I.
- Rospond S.**, 1951. Słownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Północnej. T.I. Wrocław – Warszawa.
- Rozwadowski J.**, 1948. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków.
- Schultheis J.**, 1967. Zu einigen slawischen Toponymen auf- kal-// Zeitschrift für Slawistik. B.XII. H.4.
- Stieber Z.**, 1948. Toponomastyka Lemkowszczyzny. Cz.I: Nazwy miejscowości. Łódź.
- Stuckenberg I.**, 1847. Hidrographie des Russischen Reiches. B.III. St. Petersburg.
- Šmilauer V.**, 1960. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

Kalka

The existing etymologies for the name of the river Kalka (N.Aristov, D.Evarnitskiy, M.Fasmer, O.Pritsak, I.Dobrodomov) on the banks of which the battle with Tatar-Mongols resulting into a defeat of the Russian armed force took place in 1223 are considered. The author shares M.Fasmer's point of view that the hydronym has a

Slavonic root *kal* “dirt”; at the same time, the possibility of an earlier “Scythian” origin of this river name is not ruled out with the Indo European **kel-* // **kāl-* “black” being “pseudo-translated” by the Slavs: *Kala/Kalka* – “black” (river) > *Kala/Kalka* – “dirty” (river).

E.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Kalka

Im Beitrag werden die bestehenden ethymologischen Flussnamen von *Kalka* behandelt, auf dessen Ufern im Jahre 1223 die Schlacht gegen die Kumanen stattfand, die das russische Heer schlugen (siehe die Studien von N.Fristov, D.Ewarnizkij, M.Fasmer, O.Pritsak, I.Dobrodomov). Der Autor teilt die Meinung von Fasmer, dass der Flussname eine slawische Wurzel *kal* “Schmutz”; hat er kann aber auch auf einen früheren skythischen Ursprung zurückgeführt werden: auf das indoeuropäische **kel-* / **kāl-* “schwarz”, das von den Slawen falsch übersetzt wurde: *Kala / Kalka* “schwarzer” (Fluss) > *Kala / Kalka* “schmutziger” (Fluss).

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

Kalka

Sont considérées les étymologies existantes du nom de la rivière *Kalka* sur les bords de laquelle en 1223 a eu lieu la bataille contre les Polovets qui s’est soldée par la défaite des drougines russes (N.Aristov, D.Evaramitski, M.Fasmer, O.Pritsak, I.Dobrodomov). L’auteur partage le point de vue de M.Fasmer croyant que l’hydronyme a la racine slave *kal* “boue”, mais n’exclut pas pour autant la possibilité de l’origine plus ancienne (“scythique”) de ce nom de rivière – avec la racine indoeuropéenne **kel-* // **kāl-* “noir” en admettant “sa traduction imaginaire” par les Slaves: *Kala / Kalka* (rivière) “noire” > *Kala / Kalka* (rivière) “boueuse”.

Часть 4. Топонимический аспект одного события древнерусской истории¹

Неоднократные попытки определить место битвы русских с татаро-монголами на реке Калке делались без должного внимания к топонимическому аспекту проблемы. Тем временем, на наш взгляд, именно тут кроются некоторые еще не использованные возможности, выявление которых может обогатить довольно скудные сведения о месте битвы в 1223 г. Кроме того, анализ структуры гидронима в древнерусский и в более поздние периоды вызывает и собственно топонимический интерес.

Уже летописи дают нам противоречивые сведения. Наряду с “канонизированной” в современной исторической литературе формой *Калка* (см.: Ипатьевская летопись, Львовская летопись, Московский летописный свод кон.XV в. и др.) обычно была и форма мужского рода – *Калакъ*, *Калокъ* (*Калькъ*) (см.: Синодальный и Комиссионный списки Новгородской I летописи, Новгородская IV летопись и др.). Сравните также формы не прямых

падежей, которые тоже отражают вариант мужского рода *Калькъ*: “**на Калцѣхъ**” (Новгородская IV летопись, в дополнении по Голицынскому списку 1-й пол.XVI в.; Софийский харатейный номоканон), “**на Калкохъ**” (в Русинской летописи, написанной западнорусской скорописью XVII в.), “до Калковъ” (Строевский список Псковской II летописи и др.)².

Очевидно, отголоском варианта мужского рода является форма прилагательного в “Задонщине” (“**а от Калатъския рати до Мамаева повонца**”). В XVIII в. форму мужского рода использовал также В.Н.Татищев: “В сей (Донецкой провинции – Е.О.) есть река *Калк* или Калмиас...” (Татищев В.Н., 1950, с.123). Наконец много источников приводят альтернативную разновидность гидронима – сообщают о битве “**на Калкахъ**” (*Калкохъ*, *Калцѣхъ*) в 1223 и 1380 гг. (Новгородская IV летопись, Синодальный список Псковской II летописи, Львовская летопись, Московский летописный свод кон.XV в. и др.). Эта

¹ Статья была напечатана в журнале “Мовознавство”. 1976. № 4. С.57-61.

² Варианты гидронима *Калка* со ссылками на источники приводятся в нашем “Каталоге рек Северного Приазовья” (см.: Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип.11. К., 1975, с.46).

форма встречается и в “Повести о перенесении иконы Николы Заразского” (по списку Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина, полуустав XVI в.) (Воинские повести ..., 1949, с.249).

В некоторых текстах XV-XVI вв. (например, в Троицкой летописи, в Софиевской I летописи по списку Оболенского, который является древнейшей редакцией памятника (Софийская летопись..., 1925, с.205) регистрируется форма с деминутивным суффиксом *-ец* – *Калец*.

Большой интерес вызывают случаи конфронтации в одном и том же тексте обеих форм гидронима – *Калка* и *Калец* (во второй из них суффикс *-ец* имел деминутивное значение), которые свидетельствуют о начале процесса гидронимной дифференциации в системе Калок. Сравните: “И оттуда же идоша до нухъ 8 дни до рѣки Калки. И ту ѹсрѣтоша сторожеве татарове и ѹдариша на полци рѹсскія. Сторожемъ же вившимся с полки рѹсскими, и ѹвенъ высть ту Иоанъ Дмитривичъ и иная 2 съ нимъ. Татаромъ же отъѣхавшимъ на прочнѣ рѣцѣ Калецѣ (варианты: Калцѣ – в Толстовском, Уваровском, Бальзеровском и Синопальном списках; Кальцѣ – Карамзинском списке. – Е.О.) ѹсрѣтоша татарове половецкия полки и рѹсскія. Князь же Мстислав Мъстиславичъ повелѣ преди и перенти рѣкѹ Калкѹ Данилови съ полки и инѣмъ полкомъ с нимъ, а самъ по нухъ переиде. И заидоша за рѣкѹ за Калкѹ, и послаша въ сторожехъ Яруна с полци с половеци, а сами станомъ сташа ту” (Софиевская I летопись, с.242 св. – 243). В Ипатьевской летописи выступает еще старая форма названия: “...татаромъ же отъѣхавшимъ напрочнѣ рѣцѣ Калкѣ” (в других списках – *Калкѣ*) (Ипатьевская летопись, 1908, с.743).

Насколько нам известно, указания целого ряда летописей (особенно Троицкой и Софиевской I летописей) на какую-то “прочную” речку в районе битвы русских с татарами не были учтены ни одним из историков при определении места битвы³. “Прочная рѣка Калец” не учтена и в схеме битвы на реке Калке Е.Разиным (Разин Е., 1940, с.95), обошел ее молчанием и К.В.Кудряшов, а тем не менее она заслуживает внимания. Здесь четко размежеваны *Калка* и какой-то ее приток – “прочная рѣка” *Калец* (друг. прочнѣ “другой, следующий, иной”).

Первая встреча русских с татарским авангардом – “сторожами”, вероятно, произошла где-то в междуречье *Калки* и какого-то, очевидно, правого

притока ее – летописного *Кальца*. Правильное определение этого притока составляет значительную трудность вследствие большого количества правых притоков *Кальмиуса*. Вместе с тем понятно, что реки *Калка* и *Калец* не могли быть очень отдалены одна от другой; вероятнее всего в летописи идет речь о районе слияния этих рек (междуречном “угле”). Об этом свидетельствует, во-первых, быстрый выход татар на *Калец*; во-вторых, соответствующий шаг Мстислава Киевского (перемещение с полками на другую, в направлении *Кальца*, сторону *Калки*, если допустить, что русские полки преследовали татар давно известным славянам и тюркам в Приазовье путем, маршрут которого частично совпадал с направлением русла *Кальмиуса* (*Калки*) (Кудряшов К.В., 1954, с.119). Где-то здесь, наверное, и следует искать “мѣсто каменисто”, на котором находился стан Мстислава. Это могли быть или скалистая местность в районе слияния с *Кальмиусом* его полноводного притока – *Мокрой Волновахи*, в этом районе типично горной речки, которая течет в глубоком каньоне (в этом случае *Калец* – это *Мокрая Волноваха*), или один из каменистых холмов на берегах р.*Кальчик* около с.*Кременевки*, или же, наконец, возвышенность вблизи места слияния с *Кальмиусом* его главного притока – *Кальчика* (теперь в черте г.*Мариуполя*). Татарские “сторожи” могли намеренно заманить русских в междуречье *Калки* и *Кальца*, которое послужило потом плацдармом для разгрома русских дружин.

Отнесение загадочного “мѣста камениста” далеко на запад, до Каменных могил (Кудряшов К.В., 1954, с.119), по нашему мнению, безосновательно. Во-первых, сами Каменные могилы географически не связаны с *Кальчиком* (то есть с одной из *Калок*), в своих истоках очень узким и маловодным ручейком, который вряд ли мог быть взят во внимание при тактических расчетах противоборствующих сторон. Кроме того, следует учитывать, что Каменные могилы, которые К.В.Кудряшов отождествляет с “местом каменистым”, находятся все же далеко от маловодных истоков *Кальчика*. Территория урочища орошается рекой *Бердой* и ее притоками (например, ручьем *Каратыш*). В связи с этим совсем неясным становится и сам маневр русского войска, описанный в ряде летописей. Во-вторых, неубедительным для топонимиста является и ссылка К.В.Кудряшова на то, что “речка *Кальчик* и теперь называется *Калкой*”. Как увидим ниже, это, вероятнее всего, образование вторичного происхожде-

³ Выражение “на прочнѣ рѣцѣ” в свое время вызывал колебания у первого издателя Лаврентьевской и Троицкой летописей, который предложил два варианта прочтения этого места: “татаромъ же отъѣхавшимъ напрочъ рѣцѣ Калкѣ” (Ипатьевская летопись) и “татаромъ же отъѣхавшимъ прочъ, на рѣцѣ Калкѣ ѹсрѣтоша татарове половецкия полки и рѹсскія” (Троицкая летопись). Однако уже в другом издании (1908) эта неточность была устранена.

ния (результат обновления суффиксальной части гидронима)⁴.

Форма *Калец* сохраняется на протяжении следующих столетий, однако ее географическая привязка часто изменялась. Иногда *Кальцем* назывался сам Кальмиус⁵. Этот переход деминутива в название главной реки мог быть вызван изменениями в смысловой структуре гидронима *Калка*: в период массового появления деминутивных названий притоков с суффиксом *-ка* формы *Калец* и *Калка* стали осмысливаться как изофункциональные, следствием чего и явились случаи замены второй из них первой. Закреплению же за главной рекой названия *Калец* помешали, во-первых, “сила сопротивления” другого не менее активного форманта *-ка* (в истории нашего гидронима – древнейшего), во-вторых, тенденция к устранению деминутивов на *-ец* (с помощью суффиксов *-ка* и *-чик*) и, в-третьих, утверждение в качестве названия главной реки сложного гидронима *Кальмиус*. Часто *Кальцем* назывался главный приток Кальмиуса – нынешний Кальчик. Сравните в “Донских делах” (1638 г.): “...потому, что межъ Крыму и Азова кочюють Большово Ногаю мурзы с улусы своими по Калмиюсу, и по *Кальцу*, и по Бердам, и по Молочным Водам...”⁶. И, наконец, название *Калец* связывается только с одним п.п. Кальчика (или Великого Кальчика), который берет начало около современного районного центра г. Володарска (бывшая станция Никольская)⁷.

Если рассматривать варианты гидронима по мере того, как они фиксируются в памятниках, то следующей формой является *Кала* (во множественном числе – *Калы*), ее приводит “Книга Большому чертежу”: “А отъ рѣчки *Бакъваты* къ верху

рѣчкамъ къ *Каламъ* <...> А отъ рѣчекъ отъ *Калъ* къ рѣчкѣ къ *Короташу*...” (Книга Большому чертежу, 1838, с.2.) В этом названии, очевидно, таком же древнем, как и *Калка*, представлена индоевропейская гидронимическая модель “корень плюс суффикс *-а*”.

Вариант *Кальчик*, который стал теперь основным официально принятым названием главного притока Кальмиуса, фиксируется только с нач. XVIII в. Упоминается он, например, в “Изъяснении” к российской карте Причерноморья и Крыма 1736-1739 гг., где он записан как *Холчик* (Кудряшов К.В., 1948, с.153), а также Д.И.Эварницким: “Велено владѣть запорожцам от Днѣпра рекою Самарою, Волчьими Водами, Бердою, Кальчиком и Кальмиусом и протчими впадающими в нихъ рѣчками” (из приказа 10 августа 1756 г.) (Эварницкий Д.И., 1888, с.135). Приводит его и академик И.А.Гильденштедт в “Дневнике путешествия в Южную Россию (1773-1774 гг.)” (Шугуров М., 1879, с.222). В XIX в. *Кальчик* становится настолько общепризнанным названием главного притока Кальмиуса, что вытесняет все другие варианты гидронима и другие славянские и тюркские названия рек его системы.

Если возникновение деминутива *Калец* объясняется потребностью в дифференциации наименований главной реки и ее основного притока, то причину вытеснения варианта *Калец* деминутивным образованием *Кальчик*, очевидно, следует видеть в стирании уменьшительного значения в суффиксе *-ец*, что было поддержано аналогичными явлениями в области апеллятивной лексики, где этот процесс имел более общий характер. Кроме того, на обновление суффиксальной части гидронима (*-ец*

⁴Сомнения относительно архаичности современной формы *Калка* были высказаны еще в 1915 г. В.Саханевым: “нынешнее наименование Кальчика Калкой есть или приурочение исторического имени к этой речке (у населения ходят слухи о том, будто бы тут когда-то происходила битва), или же Калка просто переименованное название Кальчика” (Всеv. Саханев. Разведка на месте битвы при р.Калке 1224 г.// “Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества”. Пг., 1915, т.II, с.27).

⁵Форму *Калеца* (имен. пад. един. ч.) использует в новое время и Д.Бантыш-Каменский в “Истории Малой России” (СПб. – К. – Х., 1903, с.496). Как название главной реки вариант *Калец* использован М.М.Карамзиным в “Истории государства Российского” (Изд.4, СПб., 1833, т.3, с.234), а также И.И.Срезневским в статье “Русское население степей и южного поморья в XI-XIV вв.” (Изв. ОРЯС. СПб., 1859-1860, т.8, с.316), Д.Багалием в “Истории Северной земли до половины XIV ст.” (К., 1882, с.19), М.Ф.Сумцовым в “Малорусской географической номенклатуре” (К., 1886, с.5) и др.

⁶Русская историческая библиотека. Т.18. Донские дела. Кн.1. СПб., 1989, с.702-703. Формой *Калец* обозначен нынешний Кальчик в указах Екатерины II (1779 г.) и Азовской губернской канцелярии (1780 г.). См.еще: Географическо-статистический словарь Российской империи/ Сост. П.Семенов. СПб., 1863, т.1, с.21; Русский энциклопедический словарь. СПб., 1877, т.2, с.636; Энциклопедический словарь Ф.Павленкова. Изд.2-е. СПб., 1905, с.834.

⁷Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862, с.29; Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть. Вып.1. Мариупольский уезд. Екатеринослав. 1904, с.34; Всеv. Саханев. Указ. соч, с.23; К.В.Кудряшов Историко-географические сведения о половенской земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г.// Известия Государственного Географического Общества, 1937, № 1, с.65 (карта); Каталог рек Украины. К., 1957, с.1135.

> -чик) могла оказать влияние и соответствующая словообразовательная закономерность в апеллятивах, где формы на -ец “вытесняются формами на -ики -чик” (Грамматика русского языка, 1953, с.266).

Наконец, следует остановиться на варианте *Калка* вторичного происхождения. Только так называется нынешний Кальчик В.И. Григорович, который побывал в 1873 г. в селах, основанных в кон. XVIII в. крымскими, или “мариупольскими”, греками (Енисалу, Чердаклы, Эски-Крым) (Григорович В.И., 1916, с.309). Сейчас так именуют Кальчик жители сел, расположенных вдоль его притоков. Как свидетельствуют данные топонимических экспедиций в бассейн р.Кальчик летом 1964 и 1966 гг. и ответы корреспондентов, это преимущественно села, которые находятся в верховьях Кальчика – на север и северо-запад от с.Кременевка (Список населенных пунктов Донбасса, 1924, с.73, 75).

Значительно реже это название относится к так называемому Большому Кальчику и его притокам (форма *Калка*, например, зарегистрирована в 1963-1964 гг. в селах Волонтеровка и Каменск вблизи Мариуполя; у с.Старый Крым *Калкою* иногда называют еще правый приток Большого Кальчика – Попову балку). Иногда это название даже переносят на весь Кальмиус⁸ (последний случай был зарегистрирован в 1964 г. в с.Заможное).

Калка – своего рода “просторечный” вариант общепринятого названия *Кальчик*⁹. Существование этого варианта вряд ли можно связывать с сохранением древней топонимичной традиции. Скорее всего в последние столетия он возникает вследствие исключительно сильной экспансии суффикса -ка в южнорусской и украинской топонимиях. Став “ведущим суффиксом” (Никонов В.А., 1959, т.5, з.2, с.329) в топонимии южнорусских степей, которая в большинстве своих звеньев начинает складываться только в XVI-XVII вв., формант -ка или обновляет суффиксальную часть в названии *Калец*, или “модернизирует” гидронимический вариант *Кала*. В первом случае преобразование структуры гидро-

нима могло быть поддержано тенденцией, которая интенсивно проявлялась в области апеллятивной лексики, к сокращению следов второй палатализации. Она обозначилась в фактах замены суффиксального -ц- после гласных переднего ряда согласным -к- (Борковский В.И., Кузнецов П.С., 1963, с.174). Популяризации варианта, который недавно возник, способствовала и хорошо сохранившаяся в народе память о битве русских с татарами на реке Калке. Что касается другого допущения, то оно находит опору и в некоторых фактах славянской гидронимии. На многочисленные случаи аналогичных отношений производности указывает в исследовании названий славянских вод Я.Розвадовский (Rozwadowski J., 1949, s.1, 90, 94, 108, 115, 142, 150, 199, 213, 301). Сравните первичные формы *Owanta, IŹza, Eka, Nacza, Okrzeja* с вторичными образованиями с обновленной суффиксальной частью – *Owanka, IŹzanka, Ikwka, Naczka, Okrzejka* и др. Следует подчеркнуть, что формы типа *Owanka, Naczka, Okrzejka* не деминутивные наименования притоков, а вторичные, “современные” названия тех же рек.

Итак, морфологическая структура гидронима *Калка* на протяжении длительного времени варьировалась за счет обновления ее суффиксальной части (-ка, -ец, -а, -чик, -ка) или за счет включения основы *Кал-* в топонимическую композиту *Кальмиус*. Доводы К.В.Кудряшова в пользу отнесения места битвы 1223 г. к крайним западным ответвлениям Кальчика малоубедительны, поскольку, кроме иных неточностей, основываются на безоговорочном отождествлении древней *Калки* (*Калки* с элементом -ка) с омонимичным названием позднего происхождения (*Калкой* с элементом -ка). При определении места битвы 1223 г. к ценным выводам, на наш взгляд, может привести историков правильная интерпретация приведенных выше сведений Троицкой и Софиевской летописей, которые вносят в этот вопрос достаточно четкие топонимические коррективы.

Литература и архивные материалы

- Борковский В.И., Кузнецов П.С., 1963. Историческая грамматика русского языка. М.
Вонские повести древней Руси, 1949. М.; Л.
Грамматика русского языка, 1953. Т.1. М.
Григорович В.И., 1916. Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра// В.И.Григорович. Собрание сочинений (1864-1876). Одесса.
Ипатьевская летопись// ПСРЛ. Изд. 2-е. 1908. Т.2. СПб.
Книга Большому чертежу, 1838. Изд. 2-е. СПб.

⁸ Список населенных пунктов Донбасса, 1924, с.73, 75.

⁹ *Калкою* назван Кальмиус во втором томе “Географическо-статистического словаря Российской империи” П.Семенова (с.451). В статье отразились колебания в отнесении к одному и тому же объекту современного названия *Кальмиус* и, как считает автор, “древнего” – *Калка*.

- Кудряшов К.В.**, 1948. Половецкая степь. М.
Кудряшов К.В., 1954. О местоположении реки Калки// ВИ. № 9.
Никонов В.А., 1959. География русских суффиксов// Onomastica. Т.5.
Разин Е., 1940. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914-1918 гг. М.
Софийская летопись (вып.1.)// ПСРЛ. 1925. Т.5. Л.
Список населенных пунктов Донбасса (итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии, январь – февраль 1923 г.), 1924. Т.6. К.
Татищев В. Н., 1950. Избранные работы по географии России. М.
Шугуров М., 1879. Дневник путешествия в Южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1873-1874 г.// Записки ООИД. Том одиннадцатый. Одесса.
Эварницкий Д.И., 1888. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб.
Rozwadowski J., 1949. Studia nad nazwani wód słowiańskich. Kraków.

Summary

E.S.Otin (Donetsk, Ukraine)

The Toponymic Aspect of a Certain Event in the Ancient Russian History

This article contains criticism of K.V.Kudryashov's hypothesis about the site of the battle of the Russians with the Tatar-Mongols on the river Kalka in 1223 considering the data of the historical toponymy. The improbability of the fact that it took place in the upper reaches of the Kalchik in the region of the settlement Kamennye Mogily is being demonstrated. The analysis of the geographical names has shown that the ancient Russian Hydronym Kalka (Kalka₁) in terms of world-building is not identical to the modern name Kalka (Kalka₂) in the hydronymy of the river Kalmius. This should be taken into consideration while determining "the stony place" where Mstislav's camp was located and the battle occurred.

Je.S.Otin (Donezk, Ukraine)

Die toponymische Seite eines Ereignisses aus der altrussischen Geschichte

Hier wird die Hypothese von K.W. Kudrjaschov bezüglich des Austragungsortes der Schlacht des russischen Heeres gegen die Tataren und Mongolen im Jahre 1223 an der Kalka unter Berücksichtigung der Erkenntnisse der historischen Toponomastik kritisiert. Für wenig wahrscheinlich wird gehalten, dass diese Schlacht am Oberlauf der Kalkschik in der Landschaft Kamennyje Mogily ("Steingräber") ausgetragen wurde. Die Analyse der geografischen Ortsnamen zeugt davon, dass das russische Hydronym Kalka (Kalka₁) aus der Sicht der Wortbildung mit dem heutigen Namen Kalka (Kalka₂) in der Hydronymie des Flusses Kalmius nicht übereinstimmt. Dies muss bei der Bestimmung des Ortes "mesta kamenista" ("steiniger Ort"), an dem Mstislav sein Lager aufgeschlagen und die Schlacht stattgefunden hat, in Betracht gezogen werden.

E.S.Otine (Donetsk, Ukraine)

L'aspect toponymique d'un événement de l'histoire de l'ancienne Russie

L'article fait la critique de l'hypothèse de K.V.Koudriachov sur le lieu de la bataille des russes contre les mongolo-tatars sur la rivière Kalka en 1223 en tenant compte des données de la toponymie historique. Il est prouvé qu'il est peu probable qu'elle eût lieu au pays d'amont de Kaltchik aux environs du lieu nommé Kamennyjé Moghily. L'analyse des noms géographiques montre que l'hydronyme russe ancien Kalka (Kalka₁) sur le plan de la formation de mots n'est pas identique au nom moderne Kalka (Kalka₂) dans l'hydronymie de la rivière Kalmius. Il faut prendre cela en considération en définissant "le lieu pierreux" où se trouvait le camp de Mstislav et a eu lieu la bataille.

Статья поступила в редакцию в январе 2002 г.